

НА ЧТО ТЫ ГОТОВ РАДИ ЛЮБВИ?

18+

Ф И Ж И Ш

БРАТСТВО
ВОРОНА

КЕЙТ СТЮАРТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

Кейт Стюарт

Финиш

Серия «Бестселлеры Кейт
Стюарт. Братство ворона»

Серия «Братство ворона», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69288928

Финиш: АСТ; М; 2023

ISBN 978-5-17-139021-1

Аннотация

Всю жизнь я лгал ради единственной цели – отомстить.

На протяжении многих лет был скорее загадкой, нежели человеком. И так долго отрицал, что у меня тоже есть сердце.

До нее. Пока она не заставила меня понять, что я уязвим и могу страдать, как любой другой человек.

Мы поплатились за это. До сих пор платим.

Но она все еще посягает на никчемное сердце безжалостного вора и циничного ублюдка, в которого когда-то влюбилась. Вот только я больше не тот человек. День ото дня я пожиная плоды за ложь, которую произносил, и за ошибки, которые совершал.

Знаю: это мой последний шанс. Я не хочу потерять ее снова, но темное прошлое вот-вот настигнет меня и уничтожит нас обоих.

Возможно, мне стоит вновь стать тем парнем из прошлого.
Ради нашего спасения.

А может быть, уже слишком поздно.

Содержание

Примечание для читателей	6
Пролог	8
Глава 1	18
Глава 2	37
Глава 3	49
Глава 4	70
Глава 5	76
Глава 6	88
Глава 7	96
Глава 8	102
Глава 9	121
Глава 10	149
Глава 11	152
Глава 12	166
Конец ознакомительного фрагмента.	174

Кейт Стюарт

Финиш

Copyright © 2021 by Kate Stewart

© Cover design by Okay Creations

© Конова Варвара, перевод на русский язык, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Примечание для читателей

Вау, вот это путешествие!

Небольшой «бонусный эпилог» неожиданно стал самым длинным романом в моей карьере! Многие из вас, кто следил в соцсетях за процессом его написания, знают, что эта серия не задумывалась как трилогия. Но, закончив книгу, я уверилась в том, что завершающей части было суждено появиться на свет, оставалось только ее придумать. Я очень рада, что мне удалось.

Чтобы написать правильный финал, пришлось внести несколько изменений в предыдущие тексты. Но это не должно вас тревожить! Изменения состоят из незначительных деталей, которые большинство из вас наверняка не заметит. Они были необходимы, чтобы сохранить хронологию событий. Если вы любите подробности, то, пожалуйста, знайте: мы старались исправить их корректно, насколько это возможно.

Вместе с тем минимальные правки ни в коем случае не должны повлиять на радость от чтения книги, завершающей трилогию.

Работа над «Братством ворона» стала для меня честью и

одним из самых запоминающихся моментов в карьере.

Очень надеюсь, что вам понравится «Финиш», и благодарю за то, что отправились в это путешествие вместе со мной.

С любовью,

Кейт.

*Посвящается Майвэнн, mon trésor,
и читателям, которые прошли со мной этот
путь.*

Merci.

Пролог

Тобиас

Сен-Жан-де-Люз, Франция

Сорок три года

– Viens ici, Ezekiel¹.

Я подхожу к нему. Он стоит, опустив ладонь, на которой лежит круглая плоская морская ракушка коричневого цвета. Тянусь за ней, но он отдергивает руку.

– *Qu'est-ce que c'est?*²

– *Un clypéastre, un dollar de sable. Lorsque tu en trouveras un, garde-le. Et lorsque tu seras prêt, alors tu le casseras. Mais tu dois le faire bien au milieu pour pouvoir en récupérer son trésor*³.

¹ Подойди, Иезекиль (фр.)

² Что это? (фр.)

³ Песочный доллар. Если найдешь, сохрани. И только когда будешь готов, открой. Но нужно сделать это точно посередине, чтобы добыть сокровище (фр.)

– *Quand serai-je prêt?*⁴

Он ерошит мне волосы.

– *Tu le sauras*⁵.

Стоя на морском берегу, бросаю камни «блинчиком» вдоль пенящихся волн, растекающихся у ног. Я ни разу не вспоминал разговор, что состоялся в тот день. Помнил лишь море, песок, отблеск утреннего солнца за его спиной и странную ракушку в ладони. Во время последнего визита в психиатрическую больницу отец в один из редких моментов просветления вспомнил нашу беседу. С удивительной точностью повторил наш разговор в тот день и поведал о сыне Иезекиле, а после попросил его разыскать.

Было это знаком свыше, провидением или чем-то еще, не знаю, но начав строительство дома, я в тот же день нашел на пляже песочный доллар⁶. И хотя отец оживил мои воспоминания только спустя годы, я понял, что побудило сохранить найденную ракушку. Мне каким-то образом удалось понять ее важность, не зная всех тонкостей.

Как же забавно и безжалостно устроен человеческий разум, в особенности мой. Некоторые воспоминания я постоянно проживаю заново, хотя с радостью предпочел бы забыть. Помню все нюансы в мельчайших подробностях, они так прочно укоренились в сознании, что причиняют муки. А

⁴ Когда я буду готов? (*фр.*)

⁵ Ты поймешь (*фр.*)

⁶ Песочным долларом называют плоских морских ежей.

воспоминания, которыми дорожу, порой ускользают. Но побудили меня спрятать эту ракушку интуиция и переменчивая память, закрепившая в сознании тот день, что придало воспоминанию особый смысл. И только посмотрев значение слова «сокровище», я понял, что душевное состояние отца в тот день очень похоже на мое сейчас.

Мы никогда не были близки – мать сбежала от него из-за его трудного характера и психического расстройства (у него диагностировали шизофрению), но сейчас я чувствую с ним необъяснимую связь. И все же с того дня, когда спустя несколько десятилетий нашел отца на улицах Парижа, испачканного собственными фекалиями и бормочущего на французском бессвязный бред, меня неизменно сопровождал страх. Увидев родителя в таком состоянии, я волновался, что однажды меня постигнет та же участь, а все, кому, по их словам, я был дорог, в итоге бросят меня из-за психического заболевания и невозможности контролировать свои действия. Этот страх на протяжении многих лет подавлял меня и мешал проникнуться к людям, доверять им.

Любовь для меня всегда была условной. До *нее*.

Мать никогда не понимала всей серьезности болезни отца. Теперь я убежден: она пришла к выводу, что он просто сошел с ума. И хотя отчасти это правда, болезнь не была осознанным решением. Дело не в том, что отец позволил обладать своей темной стороной, как, полагаю, считала мать до самого последнего дня. Его жизнью завладела болезнь, и

меня очень долго изводил страх, что я унаследую недуг.

Но на данном этапе разница между нами и мой возраст говорят в пользу того, что я никогда не повторю его судьбу.

Достав выгоревший на солнце камень оттуда, где спрятал его в другой жизни, направляюсь к извилистой лестнице вдоль утеса, которая ведет к финишной черте. Сейчас как никогда становится ясно, что моей целью был не дом. И озарило меня сегодня – в день, когда разум и сердце больше не вступают в противоречия.

Если бы мне пришлось одним словом подвести итог жизненного пути, то я бы сделал это сегодня. Провернул бы все ради этого мгновения. Ирония заключается в том, что я даже не подозревал, что для меня, вопреки замыслам и планам, может наступить такой день. Судьба подкинула мне карты, а карма сплутовала. Никогда не рассчитывал на везение, но иногда оно выручало даже такого беспринципного типа, как я: порой мне способствовала удача, но в иных случаях покидала.

Принято к сведению, удача. Пошла ты на хрен.

Но если я вынужден сравнивать жизнь с неудержимыми силами, которые в любой момент могут либо поспособствовать, либо помешать, то придется их отместить. Придется выбрать иной способ оценить жизнь, совсем другую сущность – вселенскую силу, которая превзойдет всех. *Ее.*

Без нее цель, как и этот день, не имели бы смысла.

Потому что она была права. Мы, все, что у нас есть и что

мы нашли друг в друге, – это самое главное. Пройденный путь не дал бы результата без женщины, которая подвергла сомнениям мои замыслы. И нет повествователя, критика способностей лучше, чем взгляд женщины, которая разделила со мной это странствие и помогла миновать худшие годы.

Она – мое зеркало, мой судья и, как оказалось, моя единственная цель. Она оживила мою омертвевшую душу, когда я сбился с пути, и продолжает вести. Она – самая яркая звезда, и все внимание было обращено на нее, даже когда я плутал.

Нет в жизни большей силы, чем предназначение человека. Я много лет считал, что жизнь была чем-то совершенно иным, пока она не показала истину. Я всегда считал себя одиноким странником, пока она не встала на пути как противник, возлюбленная, учитель, партнер и лучший друг. Итог каждого дня, что я провел на этой грешной земле, всегда будет сведен к ней.

Если бы я сумел отказаться от цели, если бы сорвал планы, то не познал бы, что такое чувство возможно. Никогда бы не обрел такого покоя в душе. Мной бы давным-давно овладела тревога и довела до точки невозврата.

Перешагнув через порог дома, я никогда не вспомню, каким безжалостным вышел путь, сколько шагов пришлось проделать в одиночку. Буду дорожить каждым виражом на этом пути, кроме одного нещадного удара судьбы. Его не удастся забыть. Никогда. Потеря настолько мучительна, что

до самой смерти будет причинять страдания.

Мой брат.

Ее спаситель.

Неустранимый шрам, который никогда не зарубцуется полностью и является доказательством утомительных странствий. Я уже почти на вершине утеса, когда в кармане вибрирует телефон.

«Леди Пташка в гнезде».

Однако я уже почувствовал ее близость. Слышу, как она зовет меня, бегая по дому. От отчетливо слышимых в ее голосе паники и волнения в груди заходится сердце, и я начинаю перепрыгивать через ступеньки.

– Я слышу тебя, mon trésor, – отвечаю я, ускоряя шаг. Держа в руке хрупкое подношение, чувствую, как гулко бьется сердце.

Я всегда тебя слышу.

Задыхаясь от эмоций, иду по задворкам частной собственности и, кивнув двум Воронам, стоящим на посту, захожу в дом с черного хода. Бо приветствует, привычно окинув придиричивым взглядом, прежде чем разрешает почесать за ушами. Со временем я научился терпеть его несмотря на то, что он по-прежнему нелепо пытается встать между мной и нашей женщиной.

– И тебе bonjour, жадный паршивец.

Из всех планов этой идеей я был одержим больше всего. Но если здесь Бо, значит, она не только получила мое сооб-

щение, но и поняла заложенный в нем двойной смысл.

«Встретимся на финише».

Я ни разу не бывал в этом доме и отказывался жить здесь без нее, но меня это мало волнует, когда иду мимо ковanej железной лестницы, прекрасно зная, где ее найду. За годы я мечтал об этом тысячу раз, сердце и разум прекрасно знают дорогу.

Легкий бриз сопровождает по длинному коридору, выложенному испанской плиткой, мимо стен карамельного цвета с песчаной текстурой. Это не особняк, комнат тут меньше, но дом достоин королевы.

Идя по коридору, не люблю тонкостями отделки, потому что интерес вызывает только одна цель. В грохочущем сердце, которое бьется так же сильно, как и в прошлый раз, когда я пришел к ней с просьбой, лишь жар и потребность. Но тогда я был в ужасе. В ужасе, что она откажется меня принять. В ужасе, что она поверила в мою ложь. В ужасе, что я сам так долго верил в эту ложь, что убедил себя в ее правоте.

Двенадцать лет назад я выставил ее из своей жизни. И тем самым потерял себя, цель, предназначение и рассудок.

Половина срока, что я провел без нее, проистекала из чувства вины, страха и самобичевания.

Сегодня я пришел к ней изменившимся из-за тех лет, что мы провели порознь, и лет, что привели нас сюда. Возможно, она не верила в мою ложь, но я всегда верил в ее правду, в ее любовь, в верность ее сердца.

Потому что она спасла меня.

Мое величайшее достижение – она и ее любовь, ставшие самым ценным достоянием.

Сокровищем, которое попытается украсть любой порядочный вор.

Сокровищем, которое многие пытались забрать и потеряли неудачу. Потому что я в этом, черт возьми, убедился. Раньше я бы ни за что не стал торжествовать из-за того, что завоевал ее, поскольку цена была слишком высока. Раньше делать подобные заявления мешало чувство вины.

Раньше... было слишком, черт побери, мучительно.

Тогда, как и сейчас, с ней, я был эгоистом без оправданий, потому что чаще всего потребность перевешивала чувство вины.

Прожив сорок три года, я убежден, что она – единственное, без чего я не смогу существовать.

И что в следующие сорок три года больше никого не люблю.

Она любила многих. Такова ее особенность. Она определяла ее сущность, но я в отношении своего сердца жаден, и у него только одна владелица. Ничто и никогда не сравнится с теми чувствами, что она во мне пробуждает.

Эгоизм, честолюбие, ревность и алчность едва не лишили меня будущего, едва не лишили меня ее.

Когда она приняла меня обратно, я каждую минуту пытался искупить грехи и тянул время ради этого дня.

Приговор отбыт.

Мое время истекло, и отныне я свободный человек.

Вот почему я обязан ее найти. Сию же. Чертову. Минуту.

Жгучее желание вкупе с тоской в сердце побуждают потопиться к ней. Бо самодовольно идет рядом, твердо вознамерившись стать первым, кого она осыпет любовью.

– Отвали, пес, до конца ночи она моя.

Бо, не обращая внимания на мой приказ, продолжает идти рядом с важным видом. Для перевозки его сюда понадобился месяц и шесть недель карантина, чтобы впустить в дом. Теперь, кажется, он уже заявил права на дом как его хозяин.

– Уходи. Сейчас же. Или я больше никогда не приготовлю тебе стейк.

Он приподнимает уши, словно понимая подтекст угрозы, останавливается вместе со мной и встает впереди. Щелкает пальцами, но он невозмутимо смотрит мне в глаза, после чего уходит.

Ублюдок.

Добравшись до цели, вижу ее ровно там, где и рассчитывал застать. Она стоит на балконе, длинные волосы развеваются на ветру. Руки лежат на толстом глиняном выступе, она смотрит на сверкающее море. На ней белый шелковистый наряд с глубоким V-образным вырезом на спине. Кожа загорела под солнцем, но меня возбуждают утонченные крылья вдоль ее плеч. Обвожу ее алчным взглядом, испытывая желание и облегчение.

Встретившись с ней здесь, я довершил последнюю задачу из великого множества.

Жду, когда она поймет, что я рядом, и через мгновение вижу, как она настораживается. Смотрит на меня полными слез темно-голубыми глазами, в которых читается гнев, и от чувств дыхание перехватывает в горле.

Мы очень многое пережили с того дня на парковке в Вирджинии, когда все, что у меня было – футболка, мольбы о прощении, которых всегда будет мало, и непреодолимое стремление завоевать ее, удержать, вернуть все, что украл.

Мы зашли так далеко.

Очень, черт возьми, далеко.

Кажется, что с той поры минула целая жизнь.

В некотором смысле я ждал... но теперь все кончено.

Через несколько мгновений я воплощу в жизнь все намерения. Однако, когда прохожу через двери и бросаюсь к ней, в мыслях всплывают воспоминания о первом дне наказания. Я заново проживаю его за эти несколько секунд.

Глава 1

«Я никогда не был по-настоящему сумасшедшим, кроме тех случаев, когда было затронуто мое сердце».

Эдгар Аллан По

Тобиас

Тридцать семь лет

Ад, день первый.

Меня резко будит неожиданная тяжесть на груди, а через секунду чувствую на лице горячее гнилостное дыхание. Открыв глаза, вижу легко узнаваемую тень четвероногого гребаного демона. Этот бешеный пес величаво стоит на моей груди, из рычащей пасти мне на подбородок капает слюна, а в ушах звенит от его хриплого лая.

– Psychopathe⁷, – ворчу, отгоняя полоумного французского бульдога, который рычит еще громче, когда привстаю и пытаюсь его спихнуть. Он не такой уж и тяжелый, но лай указывает на то, что пес о себе очень лестного мнения.

⁷ Психопат (фр.)

Этот придурок рычит на меня со вчерашнего дня, когда я вошел в дом, и Сесилия считает его поведение очень забавным.

А вот я – нет.

Приподнявшись в темной комнате, провожу рукой по пустой половине кровати. Бо, названный в честь дорогого человека, щелкает клыками, сидя на постели, где всего несколько часов назад она спала рядом со мной. Пес лает, вознамерившись вызвать у меня ненависть к нему.

Спустя всего несколько часов после нашего знакомства решаю, что это ему удалось.

Насторожившись из-за ее исчезновения, смотрю в окно и вижу, что еще темно, как будто сейчас полночь.

Тру лицо рукой, чувствуя, как подступает тревога.

Я нарисовался спустя восемь месяцев, пообещал целый мир, объяснения, завтрак и поклялся ее заслужить. Взамен мне быстро показали дом, после чего я встал под душ и отрубился к чертям. Почти ничего не помню после того, как оказался под горячим паром, который расслабил настолько, что я прочувствовал облегчение, которого не испытывал много лет.

И после всех данных обещаний спустя час из-за усталости не выполнил ни одного. Когда прошел запал, я отрубился и отрубился крепко.

Какого черта, Тобиас?

Скинув одеяло, переодеваюсь в одежду, в которой прие-

хал сюда, и просовываю ноги в ботинки.

Обыскивая комнату, замечаю на одной из книжных полок небольшие часы из золота с колокольчиками наверху, и пытаюсь разглядеть, сколько времени.

Четыре утра.

Временная метка, обозначающая первый день в аду.

Более того, почти уверен, что Сесилия запаниковала.

*Merde*⁸.

Надеялся, что она проспит всю ночь, но нужно было думать головой. Устав из-за разницы в часовых поясах и тридцатишестичасового полета, я отключился, не обсудив с ней все всерьез. Я был почти без чувств и не смог дать ей ни одного объяснения, что меня сдерживало. Резко вспоминаю, как она переделалась в фланелевую пижаму, пока я вытирался после душа. Это помню точно, поскольку считал забавным, что она надела такую одежду, и осознал, что она не вознаградит своим телом за возвращение. Однако это не помешало ей украдкой поедать меня взглядом.

Знаю, что обычно Сесилия просыпается ни свет ни заря, чтобы открыть кафе, но сейчас еще слишком рано, и она явно не выспалась. А вот я проспал как убитый – лучше, чем за последние годы, потому что ночевал в ее постели. Знаю, что по той же причине она не выспалась.

Из-за меня и моего эффектного возвращения в ее жизнь.

Может, мне и удалось поставить ногу на порог ее дома, но

⁸ Дерьмо (фр.)

она все еще держит ладонь на дверной ручке, и стоит облажаться, как Сесилия захлопнет дверь перед моим носом. А начал я просто потрясающе.

Расстроено вздыхаю, а Бо продолжает на меня гавкать, что напоминает собачье объявление территориальной войны, пока я наконец не гаркаю:

– Putain, tais-toi!⁹

Внезапно Бо замолкает и, наклонив голову, смотрит черными, как бусинки, глазами, явственно ставя под сомнение мой авторитарный тон.

– Couché¹⁰.

Бо безропотно выполняет команду. Простые команды он выполняет в совершенстве. Команды, которые хорошо понимает *по-французски*.

Остроухий пес прыгает у ног, пока пытаюсь привыкнуть к темноте. И хотя безумно хочется побыстрее направиться к Сесилии, где бы она ни была, ничего не могу с собой поделаться и из любопытства оглядываю ее спальню. Эта комната значительно отличается от той, к которой мы привыкли – от комнаты в доме ее отца, где я манипулировал ею, трахал и разрушал, а потом начал боготворить и любить.

Она сказала, что дом у нее небольшой, но каждый уголок отмечен цветом, вдохновением и таит в себе уют.

Сесилия словно тщательно продумала каждую комнату в

⁹ Заткнись, черт возьми! (*фр.*)

¹⁰ Слезай (*фр.*)

доме, сделав его святилищем и доказательством своего роста. Я вижу это по утонченным произведениям искусства, по ее выбору.

Включив настольную лампу, выполненную в мозаичном стиле «Тиффани», просматриваю книги в твердом переплете, которые она еще не поставила на полку, и замечаю сделанные от руки пометки со списком дел, лежащие рядом со стопкой счетов.

Организовать благотворительный сбор продуктов ко Дню благодарения (отвезти к «У Мэгги»).

Вступить в торговую палату.

Взять кулинарный мастер-класс?

«Горячая» йога?

Девичник с Мариссой?

Книжный клуб?

Угостить мистера Красавчика?

Обуздываю подступающий гнев и решаю не начинать утренний разговор с вопроса «Кто, черт возьми, такой этот мистер Красавчик?»

Оказавшись в затруднительном положении и попав в немилость, понимаю, что должен подавить врожденную склонность доминировать, чтобы помириться с ней перед тем, как объявить войну за территорию. И под войной имею в виду полноценную битву, во время которой мы сделаем все возможное, чтобы вернуть то, что покоится под руинами *последнего* сражения.

Взвинченный из-за найденного, иду в поисках нее на кухню. Здесь пусто, и меня охватывает волнение, но расплываюсь в улыбке, увидев лежащую на стойке французскую прессу. И в то же мгновение в груди становится больно от того, что ситуацию, в которой оказался, можно истолковать по-разному.

Да, может, я тут, с ней, но не в том качестве, в котором хотелось бы.

Чтобы вернуть ее, необходимо терпение, но в этом я никогда не был силен.

Прошло очень много времени с тех пор, как мы по-настоящему были вместе. Несколько беспощадных лет с тех пор, как мы признались в любви на заднем дворе поместья Романа, а потом нас разлучили ужасные события. События, причиной которых стал я.

С того момента и по сей день все препятствия, с которыми я столкнулся за последние восемь месяцев, преграды, которые преодолел с таким трудом, чтобы оказаться здесь, войти в ее дом, кажется, окупилась.

Но даже будучи рядом, она не со мной. Пока нет.

В нерешительности оглядываюсь на кухне, ищу место, где она могла бы оставить записку, но не нахожу. Инстинктивно понимаю, что ее нет в доме. Когда открываю заднюю дверь для Бо, в лицо бьет холодный ветер, и вот тогда впадаю в панику.

Она ушла?

На лбу выступает пот. Смотрю на ее пса, комплекцией напоминающего Наполеона. Он справляет нужду, не переставая на меня рычать. Да, похоже, у нас будут трудности, но от самой главной проблемы в висках стучит кровь.

Имею ли право ее винить, если она все же ушла?

Вчерашний день был серьезным шагом, но чувствую, что как только радость от моего внезапного появления развеялась и наступила реальность, Сесилия от меня отгородилась.

Присматривая с крыльца за Бо, дую на руки. «Бабье лето» пролетело, и кажется, что холод наступил за одну ночь, без предупреждения, как и мое появление. Осенний холод пробирает до самых костей, когда спускаюсь с крыльца и с облегчением замечаю ее во дворе. В свете фонарей Сесилия склонилась над садиком и копает землю в фланелевой пижаме и черных уггах.

Меня пронзает желание прикоснуться, вкусить, трахнуть, укротить. Низменная потребность, которой не собираюсь потворствовать, хотя весь изнываю. Знаю, что и она чувствует то же желание.

Так уж мы устроены.

Для нас взгляды – это любовь, ссоры – это любовь, секс – это любовь, и даже сейчас, пока мы продираемся через наши общие, но совершенно разные страхи, это любовь.

Истина, которую она не позволила отринуть. Истина, которую со временем я принял. Топливо, которое необходимо для будущей борьбы. *«Неважно, как между нами все зарож-*

далось, этого не изменишь. Ты украл мое сердце, позволил ему любить тебя и показал, где его дом».

Мне нужно в это поверить. Я должен. Ее слова – мой стимул. Возможно, прошло восемь месяцев, но возвращение к ней по ощущениям заняло вечность.

Все между нами всегда сводилось к любви, она бесстрашно об этом напоминала, пока у меня не осталось иного выбора, кроме как смириться с ее словами и уступить правде.

Правде, заключающейся в том, что я люблю ее так сильно, что, кажется, не перенесу, если это затянется еще на один день – черт возьми, даже на один час. Но я перенесу. Ради нее проявлю терпение.

И пожеланий у меня будет всего несколько.

По пути домой она держалась настороженно и смотрела на меня как на незнакомца, которого пыталась понять. Такой же настороженной она кажется и сейчас, когда вонзает в землю маленькую лопатку. Сесилия перешла в наступление.

Направившись к ней, понимаю, что рано или поздно она почувствует мое приближение. Она всегда его чувствовала, как и я – ее.

Бо, этот жадный ублюдок, подходит к ней первым.

– Привет, малыш, – хрипло шепчет Сесилия псу, сняв испачканную садовую перчатку и погладив его по спине. Обращаясь ко мне, она не удостоивает даже взглядом. – Он тебя разбудил?

– Не важно. На улице очень холодно. Я принесу тебе паль-

то.

– Мне не холодно. – Она надевает перчатку и возвращается к работе, откинув в сторону ком земли, прежде чем взять контейнер с хризантемами.

– Тебе приснился сон? – спрашиваю, понимая, что ее что-то беспокоит.

– Разве они не снятся мне всегда? – колко отвечает она.

Опускаюсь на колени рядом с ней, пока она продолжает вскапывать землю.

– Помочь?

– Нет, сама справлюсь.

– Поговори со мной, – уговариваю, пытливо смотря на нее в теплом свете.

Она копает и вонзает в землю лопатку, а ее молчание продлевает то же самое с моим сердцем, но все же не предпринимаю никаких попыток ее остановить. Она нервничает или обижена – или и то и другое, а я хочу этого меньше всего.

День первый, Тобиас.

– Поговори со мной, Сесилия.

– Может, я не хочу, – тихо отвечает она. Так тихо, что возникает ощущение, будто не хочет, чтобы я услышал. Но я не собираюсь обороняться. Она уже победила. Сегодняшний день не предназначен для перебранок. Это день, когда я готов покориться. Я чертовски сильно скучал по ней. За прошедшие годы и месяцы порой задавался вопросом, не придумал ли эту потребность, привязанность к ней. Это предпо-

ложение развеялось как дым в ту же минуту, как спустя долгую разлуку вошел в конференц-зал и встретился с ней лицом к лицу. То была очередная ложь, в которой убеждал себя на протяжении нескольких месяцев после того, как прогнал ее из Трипл-Фоллс. Попытки оспорить любовь бесполезны. Ей плевать на ваши доводы – и веские, и не очень. Любовь не обращает внимания на обстоятельства, ей насрать на то, в какое состояние она вас вгоняет. Любовь – неумолимое и беспощадное чувство, которое никогда не позволит лгать самому себе.

Устремив все внимание на нее в отчаянной потребности увидеть голубые, как океан, глаза, раскачиваюсь на пятках, приготовившись к первой битве из многих.

– Почему сейчас? – спрашивает она, доставая из контейнера хризантему и сажая в подготовленную почву. – Дождался, когда я привыкну к новой жизни. К новой жизни, в которой нет места тебе. Она не имеет с тобой ничего общего. Почему?

– Мне пришлось... – Устало вздыхаю, и Сесилия бросает на меня косой взгляд. – Что бы я сейчас ни сказал, это прозвучит как оправдание, но у меня были причины и не одна. И я все их тебе назову.

На миг она замирает, приминая землю вокруг растения.

– Слушаю.

– Прости, что уснул. Мне совсем этого не хотелось. Это все разница во времени.

Сесилия не утруждается расспросами, где я был. Она слишком привыкла находиться в неведении. Или, что еще хуже, возможно, ей все равно.

– Я был в Дубае по делам «Исхода». Мы только что приобрели компанию. Это мое последнее рабочее задание в качестве действующего владельца, после чего бразды правления перейдут к Шелли. Я не спал несколько дней, а когда все уладил, направился напрямиком к тебе и...

– Прямиком ко мне? – Она фыркает. – Знаешь, Тобиас, ты прав. Все, что ты сейчас скажешь, прозвучит как оправдание. Наверное, тебе лучше снова лечь спать.

– Позволь объяснить.

– Не уверена, что мне нужны сейчас твои объяснения.

– Ты их заслужила, а еще тут чертовски холодно. Пойдем в дом и поговорим.

Она игнорирует мою просьбу и продолжает заниматься своими делами.

– Я не уйду, – нежно шепчу, зная, что все напрасно. Сесилия не хочет меня слушать. Не сейчас. Встаю и делаю все ровно наоборот – вхожу в дом и иду в ее спальню. Достаяю из ящика толстовку и возвращаюсь на улицу, пока она опустошает следующий контейнер. Когда сую ей толстую кофту, Сесилия смеряет меня взглядом.

– Мне нормально.

– Сесилия, здесь холодно.

Она поднимается, снимает перчатки и вырывает из моих

рук толстовку. Натягивает ее через голову, и я вижу логотип с названием университета – яркое напоминание о том, как скучал по ней четыре года ее учебы в колледже и во время летних каникул, которые она провела во Франции, и последующие годы. Мучительное напоминание о том, сколько всего она познала в жизни без меня. Даже с ежедневными докладами о ее благополучии и деталях личной жизни, которые мог вынести, большинство интимных подробностей мне неизвестно. Зная их, я бы не справился, хотя меня не раз одолевало любопытство, и я напивался до беспамятства, отбросив назад свой прогресс. Сейчас она стоит напротив и настороженно смотрит, но даже так по венам пробегает ток. Наше притяжение осязаемо, с первого дня знакомства оно неизменно присутствует между нами. Даже в тусклом желтом свете вижу на ее носу веснушки. Она – симметричное совершенство, начиная с формы лица и заканчивая крошечной ямочкой на подбородке. Тянусь к ней, и она отходит.

Сесилия снова замахивается, и чувствую каждый удар лопаткой. Засунув руки в карманы джинсов, пинаю ботинком отвалившийся с ограды камень, возвращая его на место.

– Что тебе снилось?

Сесилия кусает губу и рассеянно смотрит на меня.

– Думаю, Фрейд интерпретировал бы этот сон так, что я на самом деле тебя не знаю. – Она снова становится на колени. – Я не знаю марку твоей зубной пасты.

– Это легко исправить. Что еще случилось?

– Не помню.

– Врешь. Готов поспорить, из-за этого сна ты вышла на улицу. Потому что уж я тебя знаю.

Она резко вздыхает.

– Мне нужно тут закончить.

– Это называется многозадачностью. – Снова встаю на колени и отпихиваю ее, чтобы тоже приняться за работу. Беру лопатку из старого деревянного ящика с инструментами, стоящего на каменистой дорожке.

– Еще рано, ты устал, и мне не нужна твоя помощь.

– Мы будем вместе. Сегодня, завтра и послезавтра, Сесилия.

– Просто... отстань, Тобиас. – Дрожь в голосе Сесилии выдает все, что мне нужно знать. Она встает и подходит к большому мешку с почвенной смесью, а потом тащит его ко мне. Не порываюсь помочь, поскольку почти уверен, что она вонзит в меня лопатку, если попытаюсь к ней приблизиться.

Она злится. Я это предвидел, но все равно больно. Вчера я вторгся в ее личное пространство так же, как делал это все то время, что мы были вместе, и больше того не желаю, но это выше моих сил.

Словно почувствовав мою борьбу с самим собой, хотя я и видом того не показываю, она опускает голову.

– Тобиас, я не хочу спорить.

– С каких это пор ты боишься конфликтов?

– Я не боюсь. – Моя очень сердитая садовница без особый

усилий разрывает плотный пакет. – Просто сейчас мне нечего тебе сказать.

– Мы снова начинаем со лжи?

Выражение ее темно-голубых глаз становится холодным.

– Я устроила здесь жизнь. Пусть даже временную, но я не откажусь от нее ради тебя. Этого не повторится.

– Ну, мне ясна причина. Ты ускоренными темпами движешься к интересной жизни. «Горячая» йога? Торговая палата? – Сжимаю руки в кулак. Сейчас не время и не место для этого спора.

– Ну разумеется, ты снова сунул нос в чужие дела. Как же это в твоём стиле – ворваться в мою личную жизнь спустя столько лет.

– Ты знала, кого полюбила.

– Но вовсе не значит, что я этого хотела.

– Когда дело касается нас, разлука не главное. Теперь я это понял.

– Нет, это не так. Это важно. Важно для меня. Знаю, я согласилась попробовать, но чего ты ждал? Что я, не задавая лишних вопросов, вернусь домой, раздвину ноги и распахну сердце? Тобиас, я уже не та девочка и уж точно не та женщина.

– Мы говорим о тебе, а уж тебя я, черт возьми, знаю. Если бы ты изменилась, перестала быть той женщиной, которая умеет прощать и любить только как умеешь ты, то прошлой ночью я бы не спал в твоей постели. А вот насчет твоих пла-

нов не знаю, потому что мы еще не обсудили все, что нужно, и не составили ни одного гребаного плана вместе. Мы сейчас ведем переговоры. Что. Тебе. Снилось?

– А что еще мне могло сниться?

– Я тебя не оставлю. Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра. Скорее ад замерзнет. Скорее я съем бургер.

А вот этого не надо было говорить.

– Думаешь, это смешно? – Испачканная землей Сесилия испепеляет меня взглядом. В ее глазах горят обвинение и оставшийся гнев.

– Думаю, чувство юмора придает нашему разговору не такой кровожадный тон, но, судя по выражению твоего лица, ты не разделяешь эту точку зрения.

– Ты жил с ней, – еле слышно звучит признание.

– Так тебе приснилась Алисия?

– Она тебя знала. Ты позволил ей узнать тебя. Она знала марку твоей зубной пасты. Наверное, и чертовы галстуки по утрам тебе подбирала. С ней ты поделился этими деталями.

– Не надо, – качаю головой, переживая из-за того, куда зашел разговор. – Не говори так.

– От меня ты отказался, а с ней жил. Мне даже не довелось увидеть, где ты жил.

– Нет, ты видела. Ты видела единственное место, которое я считал домом. Гадюшник на окраине города, где жила моя тетя. Это место было единственным моим домом в Трипл-Фоллис. В остальных я просто отдыхал между деловы-

ми поездками. У меня не было настоящего дома с тех пор, как умерли родители, а с ней я не жил.

– С ее слов создалось иное впечатление.

– И я позволил тебе так думать.

– Безусловно! – У Сесилии вырывается сердитый смешок.

Мне удастся скрыть обиду в голосе:

– Забыла поговорку про стеклянные дома, Сесилия? Забыла, что, когда вернулась в Трипл-Фоллс, бросив жениха, с которым все это время жила, на твоем пальце было кольцо с камнем в два чертовых карата? Или ты еще держишь его на всякий случай? – Остынь, Тобиас. Сию же, мать твою, минуту.

Закрываю глаза, боясь увидеть последствия своего резкого комментария.

– Как ты смеешь? – хриплым голосом говорит она едва слышно. – Выходит, это я виновата? Мне пришлось забыть о прошлом. Ты ведь не предоставил мне выбора.

– Знаю. – Глотаю подступивший к горлу ком. – Извини. Ревность разыграла. Спрашивай, о чем хочешь.

Она отводит глаза, и от ее молчания боль только усиливается.

– Нам надо это обсудить. Мы впустую потратили до хрена времени.

– Мы?

– Ладно, я. Merde! – Сжимаю кулаки. – Если хочешь переложить на меня ответственность, приму все обвинения. В

плане жилищных условий у меня... *у нас* многоквартирный дом в Шарлотт, таунхаус в Париже, квартира в Испании и небольшой особняк в Германии.

– У тебя и Алисии?

– Черт возьми, ты смеешься? У нас – это у тебя и меня.

Сесилия, она никогда не была моим будущим.

Сесилия обдумывает мои слова.

– А финишная черта?

– Там же, – киваю я. – И шагу туда не ступал. А мы с тобой фактически жили в доме Романа.

– Это другое. Да и все равно то время было иллюзией.

– Ты не права. Но то, что ты видела, всего лишь сон. Я помню, что тебе они кажутся реальностью, но это только сон.

– Или предостережение, которое я должна воспринимать всерьез.

Острая боль. Чую ее во всем теле. Но позволю Сесилии выиграть этот спор и тысячи последующих.

– Мы с Алисией недолго встречались, – признаюсь и чувствую досаду, когда вижу, что мои слова ни хрена не помогают.

– Как и я с тобой, если вести счет. И если хочешь назвать это отношениями.

– Мы с тобой не встречались – не принижай значимость того, что нас свело. Мы полюбили друг друга, и наша любовь уничтожила нас и всех вокруг. Мы разрушили и чужие жизни, и свои. Винить в этом нужно меня. Но вот мы здесь

и еще любим друг друга – теперь даже сильнее, потому что благоразумны и понимаем, что потеряли. Чтобы оправиться от моих слов, поступков, лжи, дня, несомненно, будет мало. Как и для того, чтобы пережить то дерьмо. Но я знаю, что меня ждет, сделаю, как ты меня просила, буду тем, в ком ты нуждаешься. И надеюсь лишь, что ты попросишь у меня то, что тебе нужно, чтобы смог сладить и с этим, и мы не потратили еще больше времени.

Она садится на пятки и опускает взгляд.

– Отлично. Тогда начни с того, что обещал. С правды. Почему ты вернулся сейчас?

– Во многом из-за планов, которые составил больше двадцати лет назад – особенно с положением Тайлера в Белом доме. Не думал, что понадобится столько времени. Чем дальше, тем больше был уверен, что обязан скинуть с себя ответственность, чтобы сделать все правильно. Пришлось подвергнуть тщательной проверке некоторых доверенных, чтобы отдать им место Шона, чтобы мы с тобой могли... – С досадой издаю стон. – Меньше всего я хотел поехать за тобой, чтобы снова уехать прежде, чем мы все утрясли бы... – Когда вспоминаю все те мучения, что пережил после ее отъезда, меня охватывает гнев. – А ты исчезла на семь чертовых недель.

– У меня были на то веские основания.

– Я семь недель ходил с ума, потому что ты не оставила ни единой зацепки. – Сжимаю руки в кулак, чтобы унять

гнев. – Ты уж об этом позаботилась.

– Наличка, – добавляет Сесилия. – Как тебе хорошо известно, она играет важную роль. Вот почему этот дом и кафе по закону принадлежат моей матери. – Она перестает копать. – Возможно, я не хотела, чтобы меня нашли.

– Я чуть не свихнулся от беспокойства.

– Я уже не твоя, так что ни к чему беспокоиться. Ты об этом позаботился.

– Ты всегда была моей. Я следил за тобой с тех пор, как тебе исполнилось одиннадцать, Сесилия. И не важно, что тогда к тебе чувствовал. Возможно, я по заслугам провел эти несколько недель в аду неведения, но ты всю жизнь будешь находиться под моей защитой. Однажды я уже подвел тебя и сделаю все, что в моих чертовых силах, чтобы не подвести снова. Поверь, когда вчера я приехал к тебе, то удостоверился, что никто не придет за тобой, кроме меня.

Глава 2

Тобиас

Она бледнеет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ровно то, о чем ты подумала. Еще одна причина, почему так долго к тебе ехал. Чтобы добраться сюда, пришлось запустить много событий, а еще найти и предать забвению нескольких людей. – Моей единственной целью был прежний деловой партнер Романа, ублюдок, который натравил Майами и превратил конфликт в кровавую бойню.

Изумленно вытаращившись на меня, Сесилия приоткрывает рот.

– Джерри? Ты его преследовал?

Киваю и замечаю, как ее передергивает.

– Тобиас, что ты натворил?

– Убедился, что он больше никогда не станет тебе угрожать.

– Ты говорил, что доверяешь мне.

– Тебе – да. А ему не доверял. Он сраный коррупционер. Возмездие назрело. Я сам это видел, поскольку тщательно следил за его перепиской и звонками. Он всегда был для тебя

угрозой. Если бы я держал все под контролем, когда должен был... – Прочищаю горло, чтобы взять паузу. – То принял бы меры насчет него намного раньше.

Она переводит на меня пыливый взгляд.

– О чем ты?

Еще рано. Она пока не готова, Тобиас. Не все сразу.

– Перед тем, как закопать его, я выбил признание. Это он отправил Майами. Хочешь узнать подробности?

Сесилия глотает и отводит взгляд в сторону.

– Нет.

– Больше ты от меня не спрячешься.

Мыслями она очень далеко отсюда, но, когда наконец поворачивается ко мне, в ее глазах виднеется урон, нанесенный моими первыми признаниями.

Заговариваю более спокойным тоном в надежде, что она услышит меня, несмотря на злость. Сесилия упрямится и знает, что ее ждет, если возникнет подобная ситуация.

– Я убью любого, кто будет представлять для тебя опасность. Любого. Я прикончу их к чертовой матери, Сесилия. Убью, не моргнув глазом, и не стану видеть из-за этого кошмары.

Она прикусывает губу, обводит меня взглядом, а потом снова смотрит на клумбу. Сажусь рядом с ней на корточки и вижу, как ветер подхватывает ее распущенные по плечам волосы и ее лицо открывается полностью.

– Тебя это пугает?

– Нет.

– Потому что ты знаешь, кто я такой. Мы не чужие друг другу, Сесилия. Отнюдь.

Она не пытается оспорить мои слова.

– И все же ты уже должен знать, что я не выношу приказы.

– На это мне плевать. Наказывай меня, но не таким способом. Не сбегай от моей защиты. Однажды я заставлю тебя дать мне это обещание и приберегу его на случай другой ссоры, которая рано или поздно произойдет. Я не могу рисковать... – Сопротивляюсь соблазну рывком поднять ее с земли, встряхнуть и потребовать это обещание сейчас, но прекрасно понимаю, что так нельзя. Того требуют моя эгоистичная потребность и мои эмоции. Не говоря уже о том, что приручить Сесилию невозможно. Отчасти поэтому меня и влечет к ней, даже если это чертовски пугает.

Помолчав, она спрашивает:

– Так как ты меня нашел?

– Через Шона. Все это время он знал, где ты живешь. Исчерпав иные возможности, я обратился к нему за помощью. Он того и ждал. – Выжидаю, заметив, как она сопоставляет факты.

– В «Камаро» стоит отслеживающее устройство.

– Шон установил его до того, как подарил тебе. Он следил за тобой и, как только ты здесь обосновалась, приставил к тебе двух парней. Он знал, что я слетаю с катушек, но хотел, чтобы меня осенило. Попросив его о помощи, я пронюхал,

что он врет, а когда поделился с ним планом, самодовольный поганец наконец избавил меня от страданий.

– Что это за план?

– Ты.

Она вздрагивает от холода.

– Продолжим разговор в доме. У тебя уже губы синие.

– Я в порядке. – Сесилия хмыкает, вытирая с перчаток рыхлую землю. – Даже когда я выполнила ваши требования и сохранила все секреты, вы, ублюдки, все равно не поверили, что я могу о себе позаботиться.

– Он был искренен, даря тебе машину, Сесилия. Дом хотел, чтобы она осталась у тебя, но что бы между нами ни происходило, мы всегда будем тебя защищать. Всегда. Это не обсуждается.

– Да? Тогда кто защитит меня от тебя? – Удар под дых.

Глотаю ком в горле.

– Тебе не нужна защита от меня. Я в твоей власти.

– До каких пор?

Сидя на корточках рядом с ней, обхватываю большим пальцем ее подбородок и поворачиваю лицом к себе.

– Я с тобой, Сесилия. Я бы все отдал, чтобы повернуть время вспять, изменить свои решения. Чтобы стать мужчиной, который был тебе нужен, но мне всегда было непросто принять свои чувства к тебе. Да и сейчас ничуть не легче. После случившегося, после всего, что тебе пришлось перенести, я был обязан дать тебе пожить нормальной жизнью,

чтобы избежать этой. – Она хмурится сильнее, когда я поднимаю ее голову. – И спустя столько лет ты и впрямь начала вести другую жизнь. Держалась поодаль. Намеренно не приезжала в Трипл-Фоллс, даже имея все основания вернуться после смерти отца. Поступила в колледж, окончила его, обручилась с другим мужчиной. На твоём пальце было кольцо. Вернувшись, решила продать компанию. Обрывала все связи с Трипл-Фоллс и *со мной*. Мне пришлось уважать твоё решение. У тебя все было хорошо. Во всяком случае, так я думал сначала.

– А потом?

– Я уже объяснял. То была основная причина из многих, и я все тебе расскажу. – Качаю головой. – Но для этого нужно время. Не очень много, но, клянусь, я все тебе расскажу.

– Думаешь, я не справлюсь?

– Думаю, что ты справишься с чем угодно, – искренне признаюсь я. – Просто сейчас со стольким нужно разобраться. Ты не спала. Сомневаюсь, что даже ела.

Сесилия встает и стряхивает с пижамы землю, а я делаю шаг вперед, но она отходит, мотая головой.

– Нет.

– Почему? Потому что отдаешь себе отчет, чем все кончится, как только позволишь к тебе прикоснуться?

– Любовью и сексом ничего не решишь, помнишь?

Провожу рукой по волосам, а она скрещивает на груди руки, и в ее глазах видно удовлетворение. Она ни секунды не

сомневалась, что рано или поздно я сдамся. Это обратная сторона прогресса, и Сесилия оглашает это вслух.

– Уже сдаешься?

– Хватит! – резко отвечаю я. – Это был просто сон. Разве мое признание вчера вечером не имело значения?

– И да, и нет... – Она трет красный нос. – Просто... ты сюда не вписываешься.

– А где ты меня представляешь?

– Да ты даже чертов чемодан не взял! – Сесилия сжимает руки в кулаки. – Где ты сейчас живешь? Где твои вещи, Тобиас?

– Лежат запакованными в грузовике, водитель которого ждет моей команды. Большая половина из них – костюмы, которые я не планирую носить в ближайшем будущем. А живу я здесь. Мой дом там, где ты, и вчера я ясно выразился по этому поводу. Я знаю, что мы не можем начать с того момента, на котором закончили... – Шагаю к ней, Сесилия отступает, и начинается наше привычное танго. Она мечется как раненое животное.

– Сесилия, тебе здесь одиноко. И виноват в этом я. Из-за меня ты опять одинока. Думаешь, я этого не знаю? Черт возьми, ради меня ты пожертвовала прежней жизнью, поэтому я поступаю так же. Я сделал единственное, что было в моих силах, потому как хотел, чтобы ты восприняла мои слова всерьез, когда я приеду к тебе с одной лишь одеждой.

Сесилия кусает нижнюю губу, окинув меня взглядом.

– Я пожертвовал жизнью, которую вел больше двадцати лет, и всем, что было с ней хоть как-то связано, чтобы приехать сюда только ради шанса снова быть с тобой.

– Ты пожертвовал *одеждой*.

– Я отказался *от власти*, – возражаю я. – А для человека вроде меня это чертовски сложно. – Делаю шаг вперед, и на этот раз она не отступает. Обхватываю ее холодные щеки руками. – Потому что я больше всего на свете хочу *этого*. Хочу *тебя*, хочу *нас*.

– Просто... – Подняв руки, Сесилия обхватывает мои запястья, чтобы отвести их. – Вернись в постель. Мне нужно подумать.

– Нет.

– Тобиас...

– Черта с два. Я не дам тебе придумать причины таить на меня обиду. – Наклоняюсь к ней. – Что ранит тебя, ранит и меня. Нам еще многое надо обсудить.

– Не сегодня. – Она опускает взгляд и, покачав головой, пытается оттолкнуть меня, чтобы пройти к дому. И вот тогда я теряю над собой контроль, бросаюсь вслед за ней и сжимаю в объятиях.

– Отпусти меня.

– Нет, – шепчу, уткнувшись носом ей в шею и вдыхая аромат – такой нежный, что возникает ощущение, будто вернулся домой. Но оно быстро проходит, поскольку я чувствую, как она напрягается в моих объятиях.

Наклоняюсь, чтобы поцеловать, но Сесилия уворачивается.

– Посмотри на меня, пожалуйста, – умоляю ее я.

– Я так тебя ненавижу, – шепчет она.

– Знаю.

Она смотрит мне в глаза, а затем переводит взгляд на губы.

– Plus rien ne nous séparera. Jamais¹¹.

Измученная по моей вине, Сесилия опускает голову мне на плечо, и я несу ее в дом. Бо не отстает ни на шаг, пока я не захопываю дверь в спальню прямо перед его носом.

– Не срывайся на моем щеночке, – попрекает Сесилия, когда вхожу в ванную и осторожно ставлю ее перед душем.

– Ты хоть немного поспала? – спрашиваю я, включив кран.

Она понуро молчит.

– Прости, что мне потребовалось столько времени. – Снимаю с нее толстовку вместе с верхом от пижамы, а потом нежно распускаю волосы. Они рассыпаются по плечам, и от одного этого вида у меня встает.

Сесилия не выпалась, потрясена до глубины души, разбита, и я это ненавижу. Я хочу, чтобы она сопротивлялась, но сейчас не в состоянии это сделать. И виноват в этом только я.

– Сесилия, мне пришлось подготовиться, чтобы вернуться к тебе. Пришлось. Слишком многие на меня рассчитыва-

¹¹ Больше ничто не встанет между нами. Никогда (*фр.*)

ют. Я должен был уладить несколько дел. Должен был обдумать стратегию ухода и собраться с мыслями. Обещаю, как-нибудь я заставлю тебя понять.

– Я в этом сомневаюсь.

– Когда ты так отчаянно боролась за меня, я соврал тебе в последний раз, – шепчу и, приложившись поцелуем к ее виску, расстегиваю на ней лифчик. Не в силах устоять, наклоняюсь и обхватываю ртом сосок. Сесилия зарывается пальцами мне в волосы. С ее губ срывается вздох, когда она тянет за пряди, выказывая сопротивление.

Борясь с ней, беру в рот другой сосок и посасываю его, щелкнув языком по шелковистой плоти, а потом перевожу взгляд на ее лицо. Сесилия рвано и часто дышит, наблюдая за мной, охваченная желанием и возмущением.

– Ты нужна мне, – шепчу я и снова обхватываю ртом ее грудь, отчего она тихонько вскрикивает. Когда я отпускаю ее, ее грудь блестит, а тело обмякает, но я крепко держу ее в объятиях. – Ты нужна мне, Сесилия. Хочу доставить тебе удовольствие. Хочу почувствовать, как ты обхватываешь мой член. Хочу слышать свое имя из твоих уст. Но *ты сама* мне нужна сильнее.

Встав на колени, снимаю с нее пижамные штаны, а после медленно стягиваю и нижнее белье, скинув его на пол. Смотря на ее киску, прижимаюсь к ней губами и вдыхаю аромат. Член пульсирует, готовый присоединиться к действию.

Не в силах устоять перед желанием вкусить ее, провожу

языком по ее лону, а Сесилия, порывисто простонав, впивается ногтями мне в кожу головы. Упиваюсь болезненными ощущениями, потому что Сесилия сражается, но не слишком усердно. Отстраняюсь и смотрю ей в глаза. Она мечет взглядом молнии.

Мы не в силах подавить влечение друг к другу и никогда не сможем, сколько бы разногласий между нами ни было. Но для того, чтобы действовать, мне нужна гораздо большая порочность ее тела.

Встав, глажу большими пальцами ее подбородок, а затем целую. Сесилия дрожит от желания. Ее взгляд умоляет, но она молчит, не собираясь просить об утолении своих нужд, и мне чертовски мучительно от нее отстраняться.

– Прими душ. Я приготовлю завтрак. И мы все обсудим.

Она кивает, рассеянно на меня глядя, вернувшись в те времена, когда я, несомненно, причинил ей боль, потому что в прошлом только это и делал.

– За то, как я с тобой поступил, никто не ненавидит меня сильнее, чем я сам, – признаюсь, после чего выпускаю ее из объятий и оставляю в комнате, полной пара.

* * *

Выйдя из ванной, Сесилия действовала на автопилоте, откровенно потягивая кофе и скармливая Бо бекон. Не так я представлял наш завтрак. Но все равно возлагаю большие

надежды.

– Спрашивай, о чем хочешь, – убеждаю ее, сидя на четырехместной кухоньке. Сесилия откусывает французский тост и запивает его кофе, а я запикиваю в рот еду.

Когда я давлюсь куском, мы встречаемся взглядами, и ее губы трогает едва заметная улыбка.

– Putain¹². – Беру ее и свою тарелки и отношу их в раковину, безостановочно пытаюсь прокашляться.

Сесилия произносит позади меня повеселевшим тоном:

– Это была неплохая попытка.

– Никогда не готовил с корицей. – Заталкиваю хрустящий хлебец в измельчитель для мусора и включаю его. Слышу, как Сесилия отодвигает стул, и понимаю, что это было неизбежно. Выключив кран, поворачиваюсь и сжимаю пальцами столешницу. – Ты не можешь взять выходной?

Она медленно качает головой, и я делаю вид, что поверил.

– Ладно, тогда дай мне пять минут.

– Что? – Она хмурится, недовольно поджав пухлые губы, и я чувствую, будто в сердце вонзили нож.

– Поеду с тобой.

– В мое кафе?

– Мне нужно одолжить «Камаро».

– Куда ты собрался?

– Есть пара дел.

Сесилия кивает на лежащие на столе ключи и берет сумку.

¹² Черт (фр.)

– Подожду на улице. Запри дверь.

Наклонившись, она гладит Бо и громко его чмокает, а я тут же начинаю ревновать.

Глава 3

Тобиас

Одиннадцать лет

Когда хлопает входная дверь, смотрю на часы, и через мгновение Дельфина выключает музыку. Раздающийся на кухне звон стеклянной бутылки подсказывает, что она не повезет нас через несколько часов в школу. Выходит, задача успеть на учебу ложится на мои плечи. За прогулом последует проверка, а наш дом в таком состоянии, что лучше не привлекать лишнее внимание социальной службы. Как и раньше, убирать придется мне. Прошло всего несколько месяцев со смерти родителей – худшее время в моей жизни. Дому не становится лучше. Счастливый ребенок, которым он всегда был, исчез из-за равнодушия и жестокости нашей тети. У Дельфины нет материнского инстинкта, и она каждый день четко и ясно дает понять, что мы – обуза. Вот только если посторонние заподозрят, что она непутевый опекун – а так и есть, – то нас заберут, а я этого не вынесу. Не хочу, чтобы меня разлучили с братом.

Решив прикорнуть, завожу дешевый будильник в надежде, что батарейки не сели, и ложусь, как вдруг слышу с другого конца коридора безошибочно узнаваемые сдавленные рыдания брата. Скинув тонкую колючую простыню, иду в комнату Доминика и вижу, что он лежит на животе, уткнувшись лицом в подушку, чтобы заглушить плач, а его плечи трясутся. Включив пластмассовую лампу, сажусь на край кровати, и брат от страха замирает, пока не замечает меня.

– Дом, все в порядке. Они ушли. Вечеринка закончилась. Засыпай. – Кладу ладонь ему на плечо и через тонкую пижаму чувствую, какая горячая у него кожа. Перевернув брата, задираю рубашку и понимаю, что он весь в ветряночной сыпи.

Доминик испуганно смотрит на грудь и живот.

– Оно само появилось.

– Все в порядке. У тебя ветрянка.

– Я умру, как папа и мама?

От боли в груди сжимаю зубы.

– Нет. Будет чесаться, но ею болеют только один раз.

– Ты тоже болел?

– Да, и стал сильнее. Я принесу тебе лекарство, чтобы к утру перестало чесаться.

Внезапно распахивается дверь, и на пороге появляется Дельфина.

– Почему вы не спите?

Закатываю глаза.

– Как можно уснуть при таком шуме?

– Не лезь в дела взрослых. Возвращайся в постель.

– У него температура и сыпь.

Дельфина настороженно смотрит на Доминика, когда я задираю на нем рубашку и показываю ей.

– Ему нельзя в школу. Все равно домой отправят.

– Ну а я не могу отпрашиваться с работы, – фыркает она. –

Нам это не по карману.

– Тогда я остаюсь дома, – возражаю я. – Он не останется один.

– Тебе нельзя пропускать школу.

– Я его одного не оставляю. *И точка.* – Так обычно говорил папа, когда был серьезен. Надеюсь, мои слова прозвучали так же убедительно.

Она злобно зыркает на нас, после чего поворачивается и хлопает дверью.

– Ненавижу ее, – шепчет Доминик, боясь, что Дельфина его услышит.

– Когда-нибудь мы отсюда уедем.

– Она выкинула мои машинки, потому что наступила на одну из них.

– Я же говорил их убирать. Принесу тебе другие.

– Но у тебя же нет денег.

– Это уже моя забота. – Вытащу у нее из сумки еще одну двадчатку. Дельфина частенько понятия не имеет, что лежит у нее в кошельке, и слишком пьяна, чтобы заметить, ку-

да пропадают деньги. Снова прижимаю ладонь к его шее и встаю. У Доминика лихорадка.

– Ты куда?

– Поищу лекарство, чтобы сбить температуру.

– Ты вернешься?

– Я быстро.

Иду по коридору к комнате Дельфины и замираю в дверях, услышав знакомые всхлипы. Заглянув в комнату, вижу, как она с красными глазами разглядывает разложенные на кровати фотографии, на которых изображены она и ее муж, бросивший Дельфину за несколько месяцев до смерти мамы и папы. Дельфина водит по ним пальцами, а потом, почувствовав мое появление, угрюмо на меня смотрит.

– Я не хочу быть матерью.

– И не нужно. Я буду его кормить. Купать. Водить в школу. Не прикасайся к нему и не ори на него. Я все сделаю сам.

Она фыркает.

– Ты всего лишь ребенок.

– Plus adulte que toi¹³.

– Surveille ton langage, petit con¹⁴.

Решив не начинать очередной бессмысленный спор, меняю тему:

– Ему нужно сбить температуру.

Дельфина открывает ящик прикроватной тумбочки и вы-

¹³ Да я взрослее тебя буду (фр.)

¹⁴ Следи за языком, маленький засранец (фр.)

таскивает пакетик с порошком, который кладет на язык каждое утро с похмелья, и я встревоженно смотрю на него.

– Что это?

– То же самое, что «Тайленол». Только действует быстрее. Разведи его в соке.

– У нас нет сока.

Она вздыхает и, собрав с кровати фотографии, с любовью кладет их в старую коробку из-под сигар, что стоит на тумбе. Иду к комоду, выуживаю из ее сумки кошелек и достаю двадцатку.

– Какого хрена ты делаешь?

– Иду за нужным Дому лекарством и новой машинкой, с которой он будет играть, пока болеет. – Своим тоном подзадориваю ее. К этой стычке я готов.

Она открывает было рот, чтобы возразить, но опускается на кровать.

– Ладно, как хочешь.

– Мы тоже не хотим такую мать. – Сминаю купюру и закидываю кошелек обратно в сумку. – Просто держись от него подальше. Я сам о нем позабочусь.

– Ну и ладно, мальчишка. Закрой дверь. – Дельфина закатывает глаза и выключает лампу. Комната погружается в кромешную темноту. Через пару секунд тетка отрубится. Пробираясь на ощупь из ее спальни, в тусклом свете от лампы, горящей в комнате Доминика, иду на кухню за водой. Высыпаю в чашку полпакетика, который дала Дельфина, и

размешиваю, смотря в окно на луну, пока по стеклу проползает таракан. Приношу лекарство Доминику, который разделся до белья и яростно чешет руки.

– Оденься, чтобы не чесаться.

– Но очень сильно чешется!

– Нельзя. Будет хуже и останутся шрамы.

Доминик перестает чесаться и, тяжело вздохнув, надевает пижаму. Пижаму, из которой уже вырос. До сих пор помню тот день, когда мы с мамой привезли ее домой. Пижаму выбрал я. Да и родители еще не так давно были живы.

Доминик хмуро косится на стакан.

– От этого я стану сильнее?

– Да. Когда болеваешь, тело само понимает, как тебе стать сильнее, чтобы в следующий раз ты не заболел. Оно борется с возбудителем инфекции и вырабатывает к ней антитела.

– Что такое инфекция?

– Это причина, почему ты заболел.

– Что такое антитела?

– Антитела. Они в тебе живут. Создают войско, которое помогает победить болезнь.

– Откуда ты это знаешь? – спрашивает брат и наклоняет голову, как наш папа.

– Читаю книги. Книги делают умнее.

– Тогда я буду читать книги, – говорит он. – Много книг. Стану сильным и умным, тогда больше никто не посмеет ме-

ня обидеть.

– Хорошо. А теперь пей.

Доминик отпивает из стакана и морщится.

– Не хочу.

– Там лекарство. Тебе оно нужно.

– Гадость.

– Пей, Дом. А завтра я куплю тебе лекарство вкуснее.

Вскоре он допивает лекарство и засыпает, а я, проверив, спала ли у него температура, ложусь рядом и отключаюсь.

Когда через несколько часов хлопает входная дверь, поднимаюсь и осторожно трясую Дома, чтобы его разбудить.

– Я иду в магазин. Лежи в постели, пока я не вернусь.

– Я сплю, – хныкает он.

– Если проснешься, то до туалета и снова в кровать. Не выходи из комнаты, пока я не вернусь, и никому не открывай.

– Я же сплю.

– Пообещай мне.

– Ох, обещаю, – пыхтит Доминик и накрывается с головой простыней.

С дурным предчувствием запираю за собой дверь. Иду по дороге, но возвращаюсь и, поднявшись на крыльцо, поворачиваю в замке ключ. *Один раз, второй, третий.*

Успокоившись после подсчета, бегу сломя голову по проезжей части к аптеке. Не успев далеко отойти от дома, замечаю, что припаркованный напротив седан медленно едет за

мной. Останавливаюсь и поворачиваюсь к машине, и она тут же замирает. Готовый высказать недовольство, с удивлением замечаю сидящую за рулем женщину. Она пристально на меня смотрит, а потом опускает окно, и я вижу ее красные и припухшие глаза.

– Привет. Извини, если напугала. Хотела узнать, могу ли я тебя подвезти?

– Нет. – Я отворачиваюсь и снова бегу.

Некоторое время она молча едет за мной, но снова заговаривает:

– Я тебя не обижу.

– Меня не нужно подвозить, спасибо. – Упрямо смотрю вперед, пот капает в глаза. В ночь смерти родителей я нашел одно интересное место и развил выносливость благодаря ночным пробежкам туда, но сегодня офигеть как жарко, и футболка уже насквозь мокрая.

– Я еду в город, если ты тоже туда направляешься, мне бы не помешала компания.

Недовольно останавливаюсь и смотрю на женщину. Она красивая и кажется ненамного старше меня. Приблизившись наконец к машине, замечаю выпирающий из-за руля большой живот. Женщина беременна – *очень* беременна, – и чуть подсказывает, что совершенно безобидна.

– Ты еще маловат, чтобы бегать по округе одному, тебе так не кажется?

– Через несколько месяцев мне исполнится двенадцать. А

вот вы почему преследуете детей и предлагаете подвезти?

Она вымученно улыбается.

– Да, я здорово тебя напугала, но не хотела, чтобы так вышло. Проезжала мимо, когда увидела тебя и подумала, что могу подвезти. Здесь очень жарко.

– Вы знаете Перкинсов?

– Перкинсов?

– Дом, возле которого вы припарковались. – Я скрещиваю на груди руки.

– О, нет. Я свернула не в ту сторону. А куда ты шел?

– У меня брат заболел. Ему нужно лекарство.

Когда она говорит, у нее дрожит подбородок:

– Seriously заболел?

– Нет. Обычная ветрянка.

– Залезай. Я тебя отвезу. И обещаю, что не представляю для тебя угрозы.

Стиснув ручку машины, нерешительно мнусь и смотрю на простирающуюся впереди дорогу, а потом обратно на дом. Я провернул ключ три раза. Доминик уснул, но долго ли проспит? Несколько дней назад, пройдя ночью половину дороги до тайного места, я не мог вспомнить, запер ли дверь. Побежал домой, и сердце гулко стучало в груди не от бега, а от страха и неуверенности. Три щелчка замка, три поворота ручки. Три раза проверял его перед тем, как уйти. Только так могу быть уверенным.

– Я должен к нему вернуться.

– Мы по-быстрому, – заверяет она.

Снова смотрю на дом, а по виску стекает пот. Сложно представить, что эта женщина попытается причинить мне вред.

Да к черту все.

Залезаю и пристегиваюсь. Машина у нее старая, немножко побитая, но кондиционер работает, и я этому рад. Женщина поворачивает ко мне клапан вентиляции, и пот на коже начинает высыхать.

– Вы не могли бы подбросить меня до аптеки?

– Конечно.

По дороге немного успокаиваюсь. У женщины огромный живот, и она с трудом помещается за рулем.

– Так ты живешь в том доме?

– Это дом моей тети. Мы проживем у нее какое-то время.

– И тебе там нравится?

Пожимаю плечами, чтобы женщина решила, что все хорошо, но, по правде, чертовски ненавижу этот дом и уже почти ненавижу Дельфину.

– Она, ты... – Голос у женщины дрожит, и мне становится не по себе. Поглядываю в зеркало заднего вида.

Три раза. Ты провернул замок три раза.

– Так твой брат...

– Доминик.

– Доминик, – с трудом произносит она. – Ему очень больно?

Поворачиваюсь в ее сторону, а она – в мою, словно боится меня, боится моего ответа.

– Он поправится. У меня в его возрасте тоже была ветрянка. Все ей болеют, ведь так?

– Нет, вообще-то я не болела. Так что точно заболею вместе с ребенком. Но лучше переболеть в детстве. Я читала об этом в одной из книг про детей.

– А кто у вас? – Такого странного разговора у меня еще не бывало. Я знать не знаю, кто эта женщина и почему везет меня в аптеку, но меня это мало волнует, потому что у нее в машине есть кондиционер.

– Девочка. Я подумывала назвать ее Лиэнн.

Морщу нос, и женщина замечает, а потом заливисто смеется.

– Не нравится, да? А ведь так звали мою мать.

– Извините. – Оглядываюсь в сторону дома, молясь, чтобы Доминик все еще спал.

– Да ничего. У меня все равно к этому имени сердце не лежит. Может, это будет ее второе имя.

Когда через несколько минут женщина подъезжает к аптеке, поворачиваюсь к ней, положив ладонь на дверную ручку.

– Спасибо, что подвезли.

– Не против, если я пойду с тобой? Помогу найти, что тебе нужно.

Я хмурюсь.

– Мешать не буду, – тихо говорит она.

– Я... хорошо, если хотите.

Женщина кивает и вылезает из машины, а я иду вразвалочку к двери и открываю перед ней.

– Спасибо, – рассеянно говорит она. Лицо у нее все в пятнах – совсем как у Дельфины после одной из ее ночных истерик. Мы бредем по проходам и находим нужное лекарство. Женщина берет бутылочку лосьона от зуда, который стоит восемь долларов, и тут я понимаю, что влип.

– Спасибо, – благодарю я, когда женщина достает коробку детского «Парацетамола», и вижу цену на полке.

Одиннадцать долларов.

После оплаты у меня останется совсем мало денег.

– Что еще тебе нужно?

– Ничего. – Кусаю губу и, увидев «Парацетамол» аптечного бренда, хватаю его с полки. – Лучше этот.

С красным от смущения лицом она берет другую упаковку «Парацетамола» и кидает в корзину.

– Давай я его тебе куплю.

– Что? – Мы почти одного роста. Может, я даже на пару сантиметров ее выше. – Зачем это вам?

– Просто хочу, чтобы твой брат поправился.

– Но я... я не...

– Это будет нашим секретом. – Она едва заметно улыбается мне.

Киваю, потому что выбора у меня нет. Если бы она не предложила, то денег бы мне не хватило и лекарства при-

шлось бы украсть. В последнее время мне частенько это сходит с рук, и ничего приятного в этом нет. Но я начал воровать, только когда деваться уже было некуда. Поскольку денежной компенсации за смерть родителей придется ждать до шестнадцати лет, то приходится красть, пока не смогу заработать. А до наступления этого момента нужно ухищряться, и есть неприятное чувство, что подворовывать буду частенько. Но я хожу по тонкой грани. Если меня поймают, я привлеку внимание к Дельфине и Дому. Нужно быть осторожнее, в два раза быстрее и умнее обычного вора. От этого зависят моя жизнь и жизнь Дома. На меня снова давит знакомое чувство стыда, и я мысленно даю клятву, что однажды заработаю столько денег, что больше никогда не испытаю подобных ощущений.

Словно услышав мои мысли, женщина спрашивает:

– Подумай, может, ему еще что-нибудь нужно?

– Я хотел найти ему машинку и книгу.

– Да? – оживляется она. – Я помогу.

– Вы правда не...

– Позволь мне, – просит женщина. Ее голос снова дрожит, и в нем слышно волнение. – У меня д-день не задался, – говорит она. – У тебя бывает такое?

– Постоянно.

Мои слова ее, похоже, расстраивают, и женщина отворачивается, вытирая лицо рукой.

– Извините. Не огорчайтесь. Да, вы можете помочь. – Я

лишь хочу уйти от этой странной дамы и вернуться к брату, но когда она так на меня смотрит, у меня щемит в груди.

– Не извиняйся передо мной, не нужно. Прости. В последнее время из-за беременности я чересчур эмоциональна. Не хочу тебя смущать.

– Это избыток гормонов, – повторяю слова мистера Беллина, сказанные на одном из уроков естествознания. – Вы растите в себе другого человека. Все в порядке.

Женщина улыбается.

– А ты умный, да? – Она толкает тележку, и я иду за ней.

– У меня очень хорошая память.

– Это здорово. Хотела бы, чтобы у меня была похуже, – посмеиваясь, говорит она.

Мы идем в отдел игрушек, и я сопоставляю в уме цену за несколько машинок с деньгами, что лежат в кармане, но женщина вдруг берет с полки набор.

– Это набор. У твоего брата будут все машинки.

– Я не могу... – С красным от стыда лицом отворачиваюсь. – У меня нет денег на набор.

– Я оплачу. Пожалуйста, мне будет только в радость.

Когда я опускаю взгляд на ее выпирающий живот, мне кажется неправильным соглашаться. У нее и самой не очень много денег, судя по машине, на которой она ездит, и одежде. Оттягиваю воротник футболки, почувствовав, как горит шея.

– Вы не обязаны.

– Но я хочу. Позволь мне, пожалуйста.

– Ладно. – Соглашаюсь, потому что иного не остается. Я должен вернуться к брату. В животе снова бурлит, и я постукиваю пальцами по бедру.

Ты провернул замок три раза. Три.

Женщина проводит пальцами по упаковке, словно в ней таится ответ, и добавляет в стремительно заполняющуюся тележку небольшое одеяло с рисунком в виде машин.

– Ему понравится. Он очень любит машины.

Похоже, мои слова доставляют ей радость.

– Что ему еще нужно?

Все. Новая одежда и обувь. *Родители.* Отвожу взгляд, чувствуя, как горит в горле.

– Только книга. Чтение поднимает ему настроение. – Не знаю, почему чувствую потребность сообщить ей об этом, но, кажется, ей интересно, а я хочу, чтобы кто-нибудь – да кто угодно, кроме меня, – желал об этом знать. С собранный почти никто больше не приходит. Я понял, что через несколько месяцев после смерти родителей их знакомых перестало интересоваться наше благополучие.

– Хорошо, книга, – улыбается женщина, хотя глаза у нее снова слезятся, и я откашливаюсь, из-за ее впечатлительности чувствуя себя не в своей тарелке. Эта дама мучается из-за гормонов. Я потакаю ей, не зная, почему она помогает, и задаюсь вопросом, сможет ли она оплатить все, что накидала в тележку. Мы идем в книжный отдел, и я выбираю две кни-

ги. Она выхватывает их из моих рук и добавляет еще семь. А когда мы оказываемся в продуктовом отделе, женщина сметает с полки суп, положив его в корзинку вместе с соком, сладостями и шоколадом.

– Он не ест шоколад, – сообщаю я.

– А ты?

– Да, я люблю шоколад.

– Тогда он для тебя.

– Вы действительно не должны столько всего покупать, – говорю я, настороженно пробегая взглядом по переполненной тележке.

– Должна.

– Вы живете в Трипл-Фоллс? – Мне нужно отвлечься. Он проснулся. Я чувствую.

Три раза. Дверь закрыта, закрыта.

Не удержавшись, смотрю на пластмассовые часы, висящие над аптекой. Половина восьмого. Шон уже, наверное, идет в школу. Если Доминик спит, то Шон его скоро разбудит. У меня осталось несколько минут.

– Нет, я жила тут раньше, но недавно переехала. Вернулась сегодня, чтобы повидаться с одним человеком... но я... – Она качает головой. – Неважно.

Снова смотрю на часы, почти не слушая ее, потому что сердце начинает колотиться в груди. Если Доминик проголодался, то может сотворить какую-нибудь глупость – например, попытаться приготовить яичницу.

Вот только чертовых яиц-то у нас дома и нет. Ладшки начинают зудеть, и я поворачиваюсь к женщине.

– Мне пора возвращаться к брату. Мне нужно идти. Сейчас.

Она округляет глаза.

– Он один?

Киваю.

Похоже, она снова расстраивается.

– Когда я уходил, он спал. Не хотел тащить его с собой по такой жаре. А тетя не могла отпроситься с работы. Я сижу с ним дома. Я ведь уже взрослый. – В моем голосе слышна злость, да и ляпнул я уже слишком много лишнего.

– Я никому не скажу, если ты так думаешь. Ты не виноват, – заверяет она. – Ты хороший брат.

Женщина торопится пробить покупки, а я смотрю на кучу пакетов и гадаю, как поволоку их домой, но радуюсь при мысли, как воодушевится Дом, увидев, что лежит внутри.

– Пойдем отнесем покупки в машину, и я отвезу тебя домой.

С облегчением смотрю на нее.

– Уверены?

– Конечно. Ты же не думал, что я заставлю тебя идти почти пять километров с этими сумками?

Кассир называет общую сумму, и я, вытаращив глаза, смотрю на экран. Двести двенадцать долларов. Женщина, не моргнув глазом, протягивает триста долларов и кидает сдачу

в один из пакетов. Смотрю на нее круглыми глазами.

– Если ему будут нужны еще лекарства, – говорит она, но я понимаю, что это жалость. И меня это бесит.

Сглотнув ком в горле, киваю, потому как говорить трудно. Собираю пакеты и тащусь к машине, пока женщина поворачивает ключ зажигания и включает кондиционер. Домой мы едем молча, и я поглядываю то на заваленное пакетами заднее сиденье, то на женщину, которая побелевшими костяшками сжимает руль. Чувствую жалость к ней, к этой печальной беременной женщине, которая настолько одинока, что ей приходится шататься со мной по магазину, чтобы поднять себе настроение.

Когда она подъезжает к дому, отказываюсь от ее помощи. Какой бы милой она ни была, в дом ее приглашать не стану. Я редко подпускаю к Доминику взрослых. Не доверяю им. Никому здесь не доверяю. Дотащив пакеты до крыльца, возвращаюсь к машине и захлопываю заднюю дверь, а женщина опускает окно со стороны пассажирского сиденья.

– Спасибо вам.

– О, прошу, не нужно благодарностей, мне было в удовольствие. – Она качает головой и снова выглядит так, будто вот-вот заплачет.

– Меня зовут Тобиас, – сообщаю ей, словно это имеет значение.

– Спасибо, что составил компанию, Тобиас.

– Надеюсь, день у вас станет лучше.

Женщина кусает нижнюю губу, словно она на грани нервного срыва, и говорит:

– Ты сделал его гораздо лучше. Спасибо, что доставил такое удовольствие. – Она качает головой. – Ты наверняка считаешь меня сумасшедшей.

– Вы сказали, что у вас был плохой день. У меня тоже. Мой вы точно сделали лучше.

– Ты хороший ребенок. Ты заслуживаешь... – Она переводит взгляд на дом. – Ты заслуживаешь гораздо большего, чем плохие дни.

– У всех они бывают, – пожимаю плечами.

– Спасибо, Тобиас.

В шоке от событий последних тридцати минут, прощаюсь и взбегаю по ступенькам, затаскиваю пакеты в дом, захлопываю дверь и поворачиваю замок три раза.

Выглядываю через отогнутые жалюзи и вижу, что ее машина еще стоит у дома, а женщина склонилась над рулем и дрожит всем телом.

Она плачет. Часть меня хочет подойти к ней. Мама всегда говорила не оставлять плачущую женщину одной и никогда не становиться причиной ее слез, но я все равно не знаю, что сказать. Потому только наблюдаю за ней несколько минут, пока она не вытирает лицо и не уезжает. Пока разбираю покупки, в груди остается щемящее чувство. Дом еще спит, когда заглядываю к нему в спальню. Расставив банки в пустой узкой кладовке, чувствую облегчение, смотря на количество

еды. Больше не придется голодать и ждать, когда Дельфина решит, что пришло время ужина. Ест она редко, поэтому эти припасы прокормят нас несколько недель. И тут я слышу, как Доминик подает голос за моей спиной, и его слова доставляют мне радость.

– Это все мне?!

Через несколько минут пакеты валяются на полу его спальни, а я пытаюсь нанести ему на кожу розовый лосьон, пока Доминик въезжает новыми машинками мне в бедро. Набив живот, думаю о женщине, которая мне помогла, и жалею, что не поблагодарил ее как следует. Справившись с Домиником и намазав его лосьоном, тащу брата в постель и переносю свой небольшой телевизор в его комнату. Дом уже почти засыпает, когда окно внезапно распахивается и появляются растрепанные светлые волосы. Шон поднимает голову и улыбается, увидев, что мы расположились на кровати Доминика. Он залезает через окно, одетый в свою любимую футболку с Бэтменом и джинсы. После лазанья по деревьям его одежда покрыта грязью.

– Вы не идете в школу? – спрашивает он.

– Нет. Доминик заболел.

– Не похож он на больного. – Шон смотрит на нас и чешет руки, и в тот миг я подмечаю на его руках, лице и шее пузырьки. Открываю было рот, когда Дом вскакивает с кровати и показывает на него пальцем.

– Шон! Переносчик инфекции – это ты!

* * *

– Сэр? – доносится до меня незнакомый голос. – У вас семь пакетов. – Звук пробивающегося товара медленно возвращает в реальность, и я забираю у протягивающей руку женщины сдачу и чек. С ноющим ощущением в груди беру пакеты за ручки и выхожу из магазина к «Камаро» Дома.

Глава 4

Сесилия

Безучастно глядя через большое окно на парковку, отмечаю мысль, что ищу хоть какой-то намек на «Камаро» и *его* появление. Бросив еще один взгляд на часы, сержусь, что лгу самой себе. Он подвез меня три часа назад. Я знаю, что он не передумал и вернется.

Он вернулся ради меня.

Он бросил свою жизнь ради меня.

Он снова убил ради меня.

– Да где ты сегодня витаешь, женщина? – спрашивает Марисса, подкравшись ко мне за стойкой.

– Просто... отвлеклась. – Понимаю, что, наверное, нужно предупредить ее, что или, вернее, *кто* к нам скоро нагрянет, но понятия не имею, замышляет ли Тобиас вторгнуться в мое рабочее пространство, как вторгся в мой дом и новую жизнь. Понятия не имею, замышляет ли он оставаться здесь инкогнито, как делал это в прошлом. Пока остается только гадать – особенно мне.

Марисса, пожалуй, единственная, кого могу считать здесь подругой, и я немало рассказала ей про Тобиаса, так что она

понимает, почему я не интересуюсь мужчинами. Подробностями не делюсь, поскольку верить сейчас во что-то слишком поспешно. Тобиас может пропасть без вести так же быстро, как и появился.

Но в это я не верю вопреки стремлению придерживаться скептицизма.

Меня бесит, что я по большей части верю ему, верю в искренность его слов и поступков. Но если поверю ему, если приму его обещания близко к сердцу, останусь ли навеки в дурачках?

Пока так и есть. И не могу позволить ему это сделать. Он должен снова завоевать мое доверие независимо от чувств, которые к нему испытываю.

– Отвлеклась? Это точно! Ты уже десять минут натираешь держатель для салфеток.

– Что? Ох. – Осматриваю кафе, в котором царит тишина после утренней суеты. – Я тебе нужна?

– Нет, просто беспокоюсь. Ты ведешь себя странно после вчерашнего обращения президента. Хочешь, обсудим?

– Нет, все хорошо, честное слово. – Поворачиваюсь к ней и заставляю себя улыбнуться, а Марисса приподнимает бровь.

– Мы были не разлей вода с тех пор, как ты меня наняла. Думаешь, я не вижу, когда ты обманываешь?

– Ты права, извини. Кое-что случилось, и, если честно, пытаюсь привести мысли в порядок. Потом все объясню.

– Да, объяснишь, но это обождет, потому что он вернулся. – Она заговорщицки подмигивает.

– Что? – Опешив, оглядываюсь и, проследив за ее взглядом, вижу, как заходит мистер Красавчик. Через мгновение понимаю, что Марисса говорила о нем, и испытываю облегчение, которое быстро сменяется тревогой.

– Весь твой, подруга. И, если тебе интересно, сообщаю: не такие уж и вкусные у нас омлеты.

Одетый с иголочки, явно чтобы произвести впечатление, он садится на стул и обращает внимание на меня. Я же беру кофейник, выдергиваю из-под стойки оказавшуюся под рукой кружку, переворачиваю ее и наливаю кофе, избегая его любопытного взгляда.

– Доброе утро. Омлет по-ковбойски¹⁵, без перца и сыра, верно?

– Меня чаще зовут Грегом, – отпускает он шутку. – Но да, пожалуйста.

Улыбаюсь ему в ответ, пробиваю чек и удираю на кухню, пресекая на корню любую возможность завязать разговор. За сегодня я и без того уже насыпала в солонку сахар, разбила три тарелки и в спешке врзалась в дверь своего кабинета.

Мерзавец.

Из-за нехватки сна усталость меня все же одолела – в основном потому, что я поедала глазами гребаного француз-

¹⁵ Омлет со сладким зеленым перцем, ветчиной и луком, подаваемый на куске белого хлеба или тосте.

ского Адониса, который ночью в одних черных боксерах оккупировал половину моей двуспальной кровати. Он – опасное искушение, его профиль и мускулистое телосложение даже в полутьме могут вскружить голову. У него такая же потрясающая конституция, как и в те времена, когда мы были вместе. И сейчас, возможно, даже лучше. Его невероятная наружность, как всегда, сбивает с толку, предвещая сменить возмущение желанием. Пробудившись от сна, вынудившего изнывать от желания, я первым же делом испытала порыв притянуть Тобиаса в объятия и никогда не отпускать. О, как же я хотела к нему прикоснуться. Так сильно, что пришлось вылезти из своей же кровати и сбежать от него. От его пряно-цитрусового аромата. От близости, которая могла бы даровать утешение.

Потому что черта с два я облегчу ему задачу.

Тобиас хочет второй шанс, но у него была возможность вернуться ко мне не один год. В Трипл-Фоллс он отвергал меня при каждом удобном случае, требовал его отпустить. Намеренно выгнал меня из своего кабинета и своей жизни.

И он прав. Какими бы обоснованными ни были у него причины так поступить, сейчас для меня это лишь оправдания.

Я достойна большего.

Каким бы ослепительно красивым ни был Тобиас, я не отступлю от желаемого. И неважно, сколько раз на протяжении этих лет снилось, как он возвращается ко мне и говорит те слова, что я от него слышала. Из головы не выходит сказан-

ное им вчера.

«Я не мог отвести взгляд».

Независимо от того, как много значат эти слова, я уже не подросток и не двадцатилетняя девушка, которой впервые доставил умопомрачительный оргазм красивый сладкоречивый мужчина. Я уже через это проходила, и доказательством служат залитая слезами подушка да запятнанная кровью одежда.

– Сесилия, – кричит повар из окошка кухни в стальной раме, и я подскакиваю на месте.

Недовольно смотрю на него, и он кривится.

– Извини, ты не слышала. Заказ готов.

– Остынь. – Марисса берет тарелку с линии раздачи и идет к Грегу. Поставив перед ним заказ, с любопытством поглядывает на меня, и Грег тоже. Недовольная таким пристальным вниманием, стараюсь больше не смотреть на парковку и ухожу на перерыв через двойные двери на кухне в свой кабинет, впервые за несколько месяцев желая выкурить косячок.

Через несколько минут, когда я сижу за столом, в кабинет влетает Марисса, и неподдельное удивление на ее лице дает понять, что так легко я не отделаюсь. Марисса, запыхавшись, обводит кабинет взволнованным взглядом и бросается к своей сумочке.

– Боже правый, – произносит она, стоя на пороге, и намазывает губы помадой недельного количества. – Молю, скажи, что мужчина, который только что вышел из твоего «Ка-

маро», – твой сводный брат. – Питая отвращение к накотившему облегчению, отодвигаю стул. Меня снова охватывает решимость, когда Марисса смотрит на меня вытаращенными глазами, в которых видна надежда, а Тревис что-то неразборчиво бурчит у нее за спиной.

– Все сложно.

– Мне это ни о чем не говорит. – Она не отстает от меня ни на шаг, когда я расправляю плечи и выхожу из кабинета.

Глава 5

Тобиас

Подхватываю несколько пакетов, которые понадобятся для дела, и иду к кафе. А когда вхожу, вижу вовсе не то, на что рассчитывал. «У Мэгги» располагается в ветхом здании старого торгового центра, но внутри все новое, включая штукатурку и меблировку, и во всем этом отчетливо видна рука Сесилии. Кафе разительно отличается от парковки, полной колдобин, и облупившегося, выцветшего здания. Здесь уютно. Стены выкрашены в цвета жженой сиены и лазури. Повсюду висят черно-белые фотографии, а рядом прикреплены дощечки с указанием цен. Бесспорно, это Сесилия проявила инициативу, чтобы поддержать местных художников. У дальней стены высокие книжные полки и большие кресла, воссоздающие уголок для чтения. Еще здесь интернет-кафе, а вдоль окон от пола до потолка стулья. Посреди кафе уютные кабинки и столики, обозначающие обеденную зону.

Доминику бы здесь очень понравилось.

Та же мысль посетила меня вчера, когда вошел в ее дом. На краткий миг все затмевает чувство вины, и я пытаюсь отвлечься, когда замечаю Сесилию, которая наливает кофе за

барной стойкой и переводит на меня взгляд.

Ощущение, будто грудь пронзает стрела и оставляет огромную рану.

Черт, как же я по ней скучал.

Разорвав зрительный контакт, она расхаживает вдоль стойки и доликает по чашкам кофе, а потом останавливается перед мужчиной, рядом с которым сажусь. Вынимаю из коробки новый ноутбук и включаю его, а Сесилия ставит передо мной чашку кофе и меню.

– Думала, ты в отпуске, – бурчит она и отдает чек сидящему рядом мужчине в костюме.

– Это мой отпускной ноутбук, – объясняю ей и, открыв меню, изучаю варианты.

– Вот именно, – сухим тоном говорит она и уходит.

Смотря ей вслед, чувствую, что не одинок и, бросив взгляд в сторону соседа, замечаю, куда направлен его взгляд. Пластик на меню скрипит, когда стискиваю его в руках от ослепляющей ярости. Он привлек мое внимание. Приятной наружности, примерно мой ровесник и приходит сюда явно не ради гребаного кофе.

Сранный мистер Красавчик.

Я никогда не убивал человека из ревности. Что-то мне подсказывает, сегодня не тот день, когда я должен вычеркнуть это из списка.

– Красавица, да? – спрашиваю, подключив ноутбук к розетке под стойкой.

– Неужели у меня на лбу все написано? На этой неделе я сюда каждый день заходил.

– Да что вы?

Он кивает и салютует мне чашкой.

– Грег.

– Тобиас.

– У тебя французский акцент? Далеко ж ты забрался от дома.

Сесилия смотрит в нашу сторону, замечает, как мы общаемся, переводит взгляд на меня, после чего снова отворачивается.

– На самом деле я ровно там, где и должен быть. Только переехал. – Я, как чертов подросток, из-за отсутствия иных вариантов одетый в толстовку и джинсы, купленные в дисконт-магазине, поворачиваюсь к Грегу. Сам-то он ловелас в костюме.

– Что-то в ней меня привлекает. – Он улыбается шире. – Чувствую себя извращенцем из-за того, что возвращаюсь сюда каждый день, но она... – Слышу в его голосе любопытство. Каждое произнесенное им слово способно воспламенить меня, как жидкость для розжига. – Хочу рискнуть.

Сесилия использует этот момент, чтобы подойти к нам и искренне улыбается этому говнюку, а потом обращается ко мне:

– Голоден?

– Зверски, – выдавливаю сквозь зубы. – Завтрак был дерь-

МОВЫМ.

Первый день, Тобиас. Первый. Давай-ка обойдемся в первый день без трупов.

Она совершенно не осознает, сколько внимания привлекает. Или я ошибаюсь? Список задач, составленный Сесилией, превращает эту теорию в пшик, но, чтоб меня черт побрал, с Грегом у нее ничего не будет. Я этого не допущу.

– Просто дай знать, когда будешь готов.

– Сесилия, – нацепив на лицо чересчур самонадеянную улыбочку, обращается к ней хрен в костюме. Он встает и вытаскивает двадцатку, чтобы оплатить чек. Дешевый трюк. Я знаю, что будет дальше. Вижу в глазах Сесилии тревогу, а уже через мгновение она берет себя в руки. Сейчас она блефует гораздо лучше, чем в прошлом, но я мастерски распознаю ложь. Сесилия не хочет ни Грега, ни предложения, которое он готов озвучить, но это не ослабляет желания впечатать яблочный логотип нового ноутбука ему в черепушку.

– Я хотел узнать, можно ли пригласить тебя на ужин?

Войдя в только что заведенную почту, кликаю на иконку нового письма и стараюсь говорить ровным тоном:

– Когда я впервые ее увидел, ей было одиннадцать. – Они вдвоем поворачиваются ко мне, но я продолжаю печатать, не удостоив их взглядом. – Она была маленькой девочкой, но защищать ее от этого прогнившего мира было моей обязанностью. Я присматривал за ней. Берег ее.

– Тобиас, – предупреждая, шикает Сесилия.

– Позже она решительно ворвалась в мою жизнь и стерла образ маленькой девочки, которую я помнил. Я заявил на нее права, и с тех пор она только моя. Только я могу прикасаться к ней, обладать ей. Она, черт возьми, моя.

Сесилия зажмуривается, сжимая лежащие на стойке руки.

Перевожу взгляд на Грега, который выглядит так, словно вот-вот обделается в свои шелковые боксеры.

– И потому я был бы очень признателен, если бы ты перестал тарашиться на мою будущую супругу так, словно она может стать твоей. Отвечу за нее, Грег: нет, она не станет с тобой ужинать.

Грег кивает.

– Прошу прощения, я понятия не имел. У нее на пальце нет кольца.

Щелкаю мышкой и открываю новое письмо.

– Оставь адрес, и мы вышлем тебе официальное приглашение.

– Довольно, Тобиас, – выговаривает Сесилия. – Извини, Грег.

– Все в порядке. – Он берет со стоящего рядом стула твидовый пиджак и обращается ко мне. *Слабак.* – Ты счастливчик, Тобиас. До встречи, Сесилия.

– Приходи еще, Грег, – убедительно просит она, задержав на нем взгляд еще на добрых десять секунд, когда он выходит за дверь, насвистывая как кретин.

Крышка ноутбука захлопывается, ударив по пальцам, и я

смотрю в свирепые темно-голубые омуты.

Все верно, детка, сразись со мной.

– Если и дальше планируешь вести себя как дикарь, то можешь уходить. Со мной это не прокатит.

– Три момента, – бормочу я себе под нос и поднимаю крышку, чтобы допечатать письмо. – Я бы хотел клаб-сэндвич, картошку фри и твой номер телефона.

– Ну ты и ублюдок.

– Твой ублюдок, – напоминаю ей, снимаю с телефона блокировку и толкаю к ней. – А он сколько угодно может заказывать чертову яичницу и кофе, но так откровенно пялиться на тебя не имеет права.

Сесилия недовольно уходит на кухню через двойные двери. Спустя секунду ко мне фланирует миниатюрная блондинка с копной кудрявых волос. И тогда я понимаю, что Сесилия снова решила спрятаться.

– Это вас обслуживала Сесилия? – спрашивает она приторно елейным голосом.

– Буквально схватила за яйца, – бурчу я, отправляя письмо.

– Что, простите?

– У меня уже приняли заказ, спасибо. – Я наклоняюсь и тихонько ей говорю: – Проверьте, пожалуйста, чтобы она не вернулась с коробкой крысиного яда.

Блондинка заливисто смеется и тоже наклоняется, демонстрируя мне декольте, которое меня уж точно не интересует.

– А с чего бы ей так сделать?

– Бывший парень, – морщусь я. – Она от меня не в вос-
торге.

У блондинки отвисает челюсть.

– Так тот мерзавец – это вы?

– Собственной персоной. А вы обо мне наслышаны?

Отлично.

Она грозно щурится. Да, она в курсе.

А вот это уже плохо.

– О, мы и впрямь хорошо вас обслужим.

Так, лучше тут больше не есть.

* * *

– Ты неместный?

Взгромоздившись на стул, стучу по клавиатуре, а рядом стоит нетронутый сэндвич. Вопрос задал пожилой мужчина, который с самого прихода сверлил меня взглядом. После нашей беседы Сесилия ко мне почти не подходила. Когда она поняла, что я не ушел, у нее не осталось иного выбора, кроме как вернуться к работе. Она в пятнадцатый раз останавливается, вытирая в третий раз стойку, и явно издевается надо мной в ожидании моей реакции.

– Только переехал, – отвечаю, смотря на него поверх крышки ноутбука. Мужчина намного старше меня, но у него почти идеальная выправка, грива седых волос, выглядит

очень холеным. Бывший военный.

– Откуда переехал?

– Да здесь рядом.

– Зачем?

– Думаю, можно сказать, что я просто сменил работу.

– Чем занимаешься? – спрашивает мужчина громче, чем это принято в общественном месте, – видимо, немного потерял слух.

– Да всяким-разным. В основном, нес службу.

Сесилия фыркает.

– Военную? – орет он на весь бар. – А, я тебя понял. Я служил во Вьетнаме. Так ты первую неделю на гражданке?

Сесилия смотрит на меня, и я ухмыляюсь.

– Именно.

– Вначале трудно, но потом привыкнешь. У ветеранов свои привилегии.

Окидываю взглядом фигуру Сесилии, она это замечает.

– Надеюсь, так и будет. – Когда ее губы слегка приоткрываются, в паху становится тесно. На языке еще осталось немного ее вкуса. – К гражданской жизни еще нужно приспособиться, – добавляю для убедительности. У меня появится новая цель – убедить ее слушать и верить моей правде. Руки так и чешутся прикоснуться к Сесилии, но воздерживаюсь и закрываю несколько окошек.

– Что привело в этот уголок Вирджинии?

– То, без чего не могу жить, – непринужденно признаюсь и

чувствую, как Сесилия вся подбирается, но тут повар подает сигнал, что заказ готов.

– Ты не похож на того, кто хочет жить в провинции.

– Вообще-то я вырос в городе, похожем на этот. Отсюда на машине часов десять.

– Ну, и Вашингтон недалеко, если вдруг приспичит пожить в большом городе.

– Спасибо за информацию.

– Меня зовут Билли.

– Приятно познакомиться, Билли. Я Тобиас, парень Сесилии.

Сесилия кашляет, а Билли улыбается, показав идеальную для его возраста улыбку. Хорошая половина завсегдаев Сесилии носят зубные протезы. Этот городок не из тех хипстерских мест, где из-за всплеска популяции как на дрожжах растут пивоварни. На самом деле этот город – один из тех, о которых наверняка не знают в остальной части Америки. И чертовски отличное место, чтобы укрыться.

– Ты ни разу не упоминала о парне, – говорит Билли Сесилии.

– Я – самая сокровенная тайна, – подмигнув ему, встречаю.

Билли катает во рту зубочистку.

– Не обольщайся, сынок. Все мужчины, которые частенько сюда заходят, считают себя ее парнем. – Он расплывается в улыбке. – Будь я лет на тридцать моложе...

– Скорее на сорок, Билли, и не заканчивай это предложение, – предупреждаю я, и Сесилия, наконец-то улыбнувшись, идет ко мне. Берет мой сэндвич и смачно от него откусывает. Это редкое проявление доброты с момента моего приезда, и мои плечи немного расслабляются.

Она медленно жует, и мы неотрывно смотрим друг другу в глаза. В ее взгляде я вижу девушку, что встретил, и женщину, которую полюбил, так, словно это было вчера. Возможно, ее гнев из-за сна прошел.

– Ты закончил? – спрашивает она, выхватив тарелку, как только я тянусь за второй половинкой сэндвича.

Нет, похоже, еще злится.

– Это правда, Билли. Он мой бывший, – ехидничает Сесилия таким выразительным тоном, что становится ясно: грянет беда. – Приехал сюда, пытаюсь меня вернуть. Но я подумываю отказаться.

Билли приподнимает брови.

– А что с ним не так, кроме манеры одеваться?

Билли: 1, Тобиас: 0.

Она скрещивает на груди руки и улыбается.

– Причин достаточно.

– Он всегда так одевается? В таком прикиде он мог бы сняться в одном из рэп-клипов.

Билли: 2, Тобиас: 0.

– Это всего лишь часть его маскарада. Он профессиональный лжец.

Черт, опять началось. Она явно собирается устроить мне публичную порку.

Вперед, детка.

– Это не к добру, – говорит Билли, смерив меня взглядом, а Сесилия начинает пересчитывать на пальцах мои проступки.

– Он вор, лжец, а еще не спросил разрешения, когда впервые меня поцеловал, так что джентльменом его точно называть нельзя.

– Безобразие, – нахмурившись, изучающе смотрит на меня Билли. – У дам всегда нужно спрашивать разрешение.

– А еще он меня предал, – добавляет Сесилия, и в ее голосе нет ни капли веселья. Удар такой сильный, что я хмыкаю.

Больно тебе – больно мне. Взгляни на меня.

Но Сесилия не смотрит, а я с трудом сдерживаюсь, чтобы не перепрыгнуть через стойку.

– И это все натворил ты? – хмуро спрашивает Билли.

Я киваю.

– Я.

– И даже защищаться не будешь?

– Нет, – отвечаю я, и Сесилия переводит на меня взгляд. – Все это правда.

– Тогда есть хоть одна причина, почему ей стоит тебя простить? – За моей спиной стоит Марисса, и я чувствую, как все люди в кафе слушают, затаив дыхание.

Гребаная провинция.

Сесилия собирает грязные тарелки, когда я наконец заговариваю в сраной попытке защититься.

– Вчера я перестал лгать. – Я едва успеваю закончить, прежде чем она исчезает за двойными дверями.

Глава 6

Тобиас

Вскоре после ухода Билли Сесилия с головой уходит в уборку и разговоры с посетителями. Я стараюсь не светиться, надеясь, что до конца рабочего дня обойдется без происшествий и еще одной прилюдной пытки. Чем больше пытаюсь сосредоточиться на цели завершить дела с «Исходом», тем сильнее отвлекает присутствие Сесилии.

Дело в тоске по ней. В нужде стереть границы между нами – не только физически, но и эмоционально. Но с физической стороны мне удастся утолить желание, которое неизменно ощущал с того самого дня, когда впервые оказался в ее постели.

Сесилия всегда была красавицей. Ее лицо – сочетание невинности и несравненной естественной красоты. В этом плане она затмевает обычных женщин. А еще дело в уверенности, которую излучает, в сияющей улыбке, в осторожно подобранных словах, которые выражают доброту, сочувствие и ум. Я еще вижу в ней ту юную девушку, которая проявляла любопытство к окружающему миру. Она всегда будет пытливой, и я нахожу эту черту притягательной. Другие

женщины, достигнув определенного возраста, уверены, что стали во всем специалистами, но Сесилия всегда ищет способы познать мир, набраться опыта и стать более зрелой.

За несколько часов пребывания становится ясно, что она пользуется уважением и восхищением работников и постоянных клиентов.

Ее невозможно не любить.

И чем старше она становится, тем больше напоминает ту женщину – роковую и неотразимую, которая достойна каждой толики обожания, которым ее осыпают.

Мужчины влюблялись в нее задолго до того, как я ее встретил.

Она никогда не использовала привлекательность в качестве оружия и не включала ее в полную силу. Если бы Сесилия это сделала, то за ней бы тянулась дорожка из разбитых сердец.

А мне бы пришел конец.

Сегодня я едва могу оторвать от нее взгляд после того, как долго ее отвергал. Только ее тело я познал до мельчайших подробностей, так затейливо вытравив из памяти.

Инстинктивно я до сих пор его помню.

Но она не знает, какой ее видят мужчины, те еще хищники. В основном из-за того, что большую часть своей жизни Сесилия чувствовала, будто недостойна любви. Когда я был предельно слаб, то подпитывал это нелепое представление, чтобы мы не сожрали друг друга заживо, но и в этом знатно

облажался.

Я отвергал ее сердце, когда она умоляла меня его вернуть, вернуть к жизни.

Я не привык иметь дело с ревностью. Женщины в моей жизни не задерживались, в приоритете всегда была миссия. Пока из-за одной-единственной женщины не стало невозможным сбрасывать со счетов то, что в груди у меня таится сердце, желания которого могла утолить только она.

Эту жгучую ревность я познал только в день, когда стал свидетелем того, как сильно любили Сесилию Шон и Дом. И прочувствовав ее, я потерял контроль.

Через секунду я закрываю глаза и захлопываю крышку ноутбука.

Я сам подписался на сложности.

Я приехал сюда готовым к трудностям, готовым столкнуться и разобраться с невозможным, но усложняет все чувство вины.

Сейчас меня убивает напряженность. Ее нежелание даже взглянуть на меня.

Вспоминаю обрывки нашей вчерашней беседы на парковке. Черта с два примирюсь с обычным финалом. Этого мало. Хочу, чтобы она была счастлива. Хочу, чтобы мы обрели наш счастливый финал. К такому выводу прихожу, наблюдая за ее общением с посетителями кафе. Хочу, чтобы она улыбалась, думая о нас, прежде чем поприветствовать незнакомца.

Пойду на все, на что угодно, чтобы наш финал был без-

облачным.

Мне мало просто быть вместе. Мы не станем этим довольствоваться.

И если Сесилия потеряла терпение, я дерзну ради нас.

В доме ее отца мы купались в блаженстве, были довольны жизнью вопреки обстоятельствам и подспудным угрозам мирному существованию. Вопреки пониманию, что мы были бомбой замедленного действия. Вопреки решениям.

Удовольствие даровалось нам легко. Тогда она могла на меня смотреть. А теперь избегает.

Резко встав, чтобы размять ноги, полный неисчерпаемой энергии, ем с салфетки и быстро отправляю сообщение с нового телефона.

«Это я».

Шон: **«Кто „я“?»**

«Смешно».

Шон: **«Я передам этот номер команде».**

Он начинает печатать сообщение и останавливается. Я замираю, прочитав эсэмэску от него.

Шон: **«Как успехи?»**

«А тебе не плевать?»

Шон: «Конечно, не плевать. Выкладывай».

«Она в порядке. У нее все хорошо. Действительно

хорошо. Она купила кафе. Там мило. Как и у нее дома. Она занимается повседневной рутинной».

Шон: «Это я и так знаю. А ты?»

Снова читаю сообщение. Этого вопроса я не ожидал. Когда он – поправочка – когда Тесса пригласила меня к ним на свадьбу, я решил, что, возможно, мы сможем восстановить наши отношения, но даже тогда все было по-старому. В день похорон Дома он смотрел на меня так, словно ненавидел. И я знал, что Шон меня ненавидит. Примирение, которое он предлагал, казалось таким же чуждым, как и мое положение в новой жизни. Я завишу от людей, которым причинил боль.

И я хочу тут быть.

Но это охренеть как отстойно.

Когда я обратился к Шону, чтобы помог отыскать Сесилию, то почувствовал с его стороны небольшую уступку. Все эти годы я остро ощущал его отсутствие. Убедил себя, что наше общее дело – единственная причина, почему мы еще принимаем участие в жизни друг друга вопреки нашему прошлому. Но сейчас чувствую надежду. Возможно, все изменилось.

«Тебе и впрямь интересно?»

Шон: «Иначе я бы не спросил, мужик. Насколько все плохо?»

«Приоритеты Сесилии: собака, кафе, еще много

всего... и только потом я. И пошел ты – я знаю, что ты смеешься».

Снова точки. Я решаю, что ненавижу точки так же сильно, как ненавижу горошек.

«Черт, нет, конечно».

Шон: «Она уже схватила тебя за яйца, да?»

«И не только».

Шон: «Если бы не было больно, тогда оно бы того не стоило. Ты привык, что тебе все само плывет в руки. Куда без трудностей? Они окупятся».

Испытывая отвращение, что мне так скоро понадобилось утешение, да еще и от Шона, меняю тему.

«Все хорошо?»

Шон: «И дня продержаться не можешь?»

«Не томи. Я тут беспомощен».

Шон: «Еще сутки не прошли, как ты приехал. Дай ей время».

«Дам. Дам ей время. Я не жалуясь».

Чувствую и свою нерешительность, и Шона. Через минуту получаю еще одно сообщение.

Шон: «Как все странно, да?»

«Ты понятия не имеешь насколько».

Шон: «Имею. Погоди, пока не превратишься из волка-одиночки в женатика с тремя детьми».

«С двумя».

Шон: «С тремя. Узнал сегодня утром».

«Поздравляю, друг».

Шон: «А ты когда своих заведешь?»

«Я полдня голодал, чтобы убедиться, что она не отравила мой сэндвич. Думаю, разговор о детях отложу до лучших времен».

Точки появляются и исчезают.

«Хватит смеяться. Козел».

Шон: «Ты действительно понятия не имеешь, что делать?»

«Я хочу быть здесь. Это я знаю точно».

Шон: «Доверься интуиции».

«Знакомый совет».

Шон: «Все получится. День первый».

«День первый».

Обдумываю ответ и решаю написать правду.

«Спасибо, мужик».

Шон: «Можешь писать в любое время».
«Ты серьезно?»

Точки появляются и исчезают, а через минуту приходит ответ.

Шон: «Да».

В горле встает ком от внезапно нахлынувших чувств, но в плечах немного ослабевают напряжение. Подняв голову, вижу, как настороженно смотрит на меня Сесилия, после чего толкает двери руками, полными грязных тарелок.

Снова сажусь на стул, когда она возвращается, и раздаётся звонок. Спустя секунду передо мной стоит тарелка.

– Ешь, пока не остыло, – тихо говорит она.

Успеваю схватить ее за руку и подношу ее к губам. Сесилия опускает взгляд на свою руку, а потом я ее отпускаю.

– Спасибо.

Глава 7

Сесилия

Тобиас настоял на том, чтобы сесть за руль, и я ему за это благодарна: из-за недосыпа перед глазами все расплывается, а тело ноет после целого дня головокружительных эмоций. В голове вертится очень много вопросов, но пока не могу заставить себя их озвучить, потому что так буду выглядеть уязвимой и обидчивой.

Я слышала, как Тобиас сказал, что перестал лгать, и этот ответ пришелся мне по душе. Все зависит от меня, верить ему или нет. Еще несколько месяцев назад я была готова к любой правде, к любому объяснению, которое он был готов дать, а когда уехала, то примирилась с мыслью, что никогда не получу ответы. До сих пор от всех признаний Тобиаса мне становилось не по себе, вот почему держаться за злобу становится только сложнее. Я еще не оправилась от его вторжения в мою жизнь и хочу дать понять, что ему не сойдет с рук очередной враждебный захват.

– Хватит себя накручивать, – мягким тоном говорит Тобиас. Положив руку на руль, он непринужденно едет по направлению к дому в лучах заходящего солнца. Я не привык-

ла видеть Тобиаса в таком виде. Толстовка, джинсы, дешевые кеды, растрепанные волосы без укладки, ниспадающие на лоб. Он все тот же мужчина... и вместе с тем изменился настолько, что в голове не укладывается. Возможно, дело в его откровенности, в рвении открыть секреты и стороны своей жизни, которые постоянно скрывал. В то же самое время я до сих пор чувствую, что он что-то утаивает, что-то я упускаю. И до сих пор потрясена, что он в Вирджинии, сидит за рулем «Камаро» Доминика и собирается снова спать в моей постели – более того, хочет жить вместе.

Все это еще пару дней назад я считала невозможным. Я так хочу просто быть счастливой, принять его и свыкнуться с мыслью, что так все и будет, но меня терзают отголоски прошлого. По моему опыту, как только я приму любовь, приму счастье, его отнимут у меня самым беспощадным способом. Я обвинила Тобиаса в трусости, а теперь сама позволяю страхам затмевать все остальное.

– Спрашивай, о чем хочешь, – говорит он, бросив на меня взгляд.

А я, наоборот, откидываюсь на спинку, в глазах сухо, тело ноет. Мне не дает покоя недоверие. Сегодня явно что-то было не так, никак не могу понять, что, но решаю пока этот вопрос отложить.

Никогда в жизни не чувствовала себя такой уставшей, но не могу отвести от Тобиаса взгляд. В голове не укладывается, что он здесь. Ни разу не тешила себя мыслью, как мы живем

с ним тут вместе, потому что намеревалась его забыть. Сегодня утром откровения Тобиаса несколько изменили суждения, и, возможно, отсюда и проистекает нерешительность. Если все обретет смысл, я перестану так злиться. Когда Тобиас подъезжает к дому, с трудом открываю тяжелую дверь, а он забирает с заднего сиденья несколько пакетов и овощной суп, завернутый в бумагу, который заказал перед уходом из кафе.

Он дожидается меня у капота и, положив свободную руку мне на талию, приглашает пройти. Мы подходим к двери. Тобиас перебирает ключи и, найдя нужный, вставляет его в замочную скважину. Стоя справа от него, замечаю, как его плечи поникают, а потом он тяжело вздыхает. Тобиас ставит пакеты и поворачивается ко мне, и я непонимающе смотрю на него. Положив ладонь мне на живот и смотря знакомым хищным взглядом, отводит меня к краю крыльца и прижимает к стене дома.

Он неотрывно смотрит на меня, а потом запускает пальцы в мои волосы, стискивает их и набрасывается на мой рот. Я охаю, и Тобиас пользуется моим удивлением, побуждая открыть рот шире, а потом пылко вторгается в него языком. Прижимается ко мне, не оставляя между нашими телами ни одного свободного миллиметра. В живот мне упирается его член, пока он пленяет поцелуем, и в это мгновение я забываюсь. Забываю о претензиях к нему и целую в ответ. Обхватив его за плечи, прикипаю к его мощному телу и обвиваю его.

Подсознание протестующе кричит, напоминая, что я добровольно принимаю в этом участие. Но это не переход власти, а поцелуй возлюбленного, напоминание.

Сердце грохочет в груди; возбуждись, сминая ткань его толстовки, чтобы притянуть к себе. Тобиас потворствует, закинув мою ногу себе на талию и вжимаясь, пока мы оба не растворяемся в обжигающем поцелуе, создавая новое воспоминание, которое я нескоро смогу забыть. У Тобиаса вырывается вымученный стон, когда он отстраняется и смотрит на меня сверху вниз. В его глазах я вижу потребность, желание, страсть, надежду.

– Целый день мечтал об этом, и если бы поцеловал тебя, войдя в дом, то не уверен, что смог бы вовремя остановиться. Я был бы рад перестать вести себя как джентльмен, потому что это противоречит моей натуре, да и ты полюбила другого меня. Чтобы я просил разрешения тебя поцеловать? Да ни за что на свете.

Я ищу смысл в его поступках и намерениях, а Тобиас уходит и подбирает пакеты, после чего открывает дверь. Он старается. Старается с уважением относиться к очерченным мною границам, старается подстроиться под мой темп, хотя всегда был нетерпимым человеком.

Войдя в дом, отводит взгляд, словно ему больно даже смотреть на меня.

– Иди в душ. Я выгуляю Бо и разогрею суп.

– Ты не обязан это делать.

Повернувшись ко мне спиной, он замирает на пороге гостиной, его плечи напряжены.

– Просто позволь сегодня вечером за тобой поухаживать. Завтра можешь испепелять взглядом, орать и посылать куда вздумается – да что угодно, лишь бы тебе стало проще впускать меня в свой дом. Но ты не ела и не спала с тех пор, как я сюда появился, а я не хочу так начинать.

Не дожидаясь ответа, Тобиас идет на кухню, а я смотрю, как он удаляется, понуро опустив плечи, и вожу пальцем по припухшим губам. Всем своим естеством хочу пойти за ним, снова его поцеловать, ощутить вес его тела, поддаться чувствам, но здравый смысл побеждает, и вместо этого иду в душ.

* * *

Помывшись и переодевшись во фланелевую пижаму, иду на кухню и вижу тарелку разогретого супа и лежащую рядом записку.

Вышел на пробежку.

Отсутствие Тобиаса не приносит ни капли утешения. Никогда не думала, что после всего пережитого будет так сложно наладить с ним общение. Сейчас, несмотря на то, как хорошо мы когда-то понимали друг друга, я и Тобиас словно близкие друг другу незнакомцы. Наши отношения совер-

шенно изменились. Впервые он не проникает в мою спальню под неусыпным оком Романа, и мы можем быть откровенными друг с другом, открыто признать наши отношения без потенциальных последствий. Сажусь за стол, чувствуя себя, как ни странно, виноватой из-за того, что держу его на расстоянии, потому как не могу постичь, чем все кончится или, что еще хуже, не прикончит ли меня снова чувство... Это просто вопрос времени: когда и как.

Он встанет и уйдет, как только Братство столкнется с серьезной угрозой? А если этот маленький городок и простая жизнь наскучат ему до такой степени, что он решит: приезд сюда был ошибкой? Меня бесит, что страх произрастает из того, что я снова погружусь в чувства к нему, а потом мне останется только наблюдать, как он уходит. Бесит, что так чертовски боюсь примириться с мыслью, что теперь мы всегда будем вместе. Но он вынудил меня забыть об этом. Вынудил представлять жизнь без подобной возможности. Но больше всего меня бесит, что все опять на его условиях. Надо стать бесчувственной, тут же решаю я. Бесчувственной. Ради собственной же безопасности.

Съев половину тарелки супа, решаю лечь пораньше. Раздражает, что я чувствую себя неудобно в собственном доме из-за рассуждений о нем и о том, чего он, возможно, от меня хочет. Успеваю прочесть только главу новой книги, после чего мысли улечуваются из головы и меня одолевает сон.

Глава 8

Тобиас

Шестнадцать лет

– Выметайся! – визжит Виктория.

Я вытираюсь полотенцем и, выглянув из ванной, вижу стоящего на пороге спальни Доминика, который во все глаза таращится на мою голую девушку. Ухмыляясь, он и ухом не ведет на ее возмущения.

– Пошел вон, маленький извращенец! – Она крепко стискивает простынь, натягивая ее до шеи.

– Доминик, выйди, – рявкаю я.

Доминик продолжает стоять в дверях, из-за его плеча показываются вьерошенные светлые волосы. Шон тоже с удовольствием ее рассматривает.

– Пошли прочь. – Повязав на талии полотенце, подхожу к парням и выталкиваю из комнаты, захлопнув дверь перед их носами. Поворачиваюсь к Виктории. – Извини, они юные любопытные идиоты.

– Врежь в дверь чертов замок, – набрасывается она на ме-

ня с упреками, скидывает простынь и поднимает с пола лифчик.

– Без надобности. Через неделю я уезжаю.

– Что? – Виктория смотрит на меня, вытаращив глаза. – Куда?

Прислонившись к двери, настраиваюсь на крайне неприятный разговор.

– Во Францию. В частную школу. Я же рассказывал тебе, что подал заявление.

– Ты уезжаешь через неделю, а говоришь мне об этом только сейчас?

Собираюсь с духом, прекрасно понимая, что сам виноват. Надо было думать, прежде чем заводить летние отношения.

– Я думала, Франция под вопросом.

Именно так и было, но французское происхождение отлично подсобило приему. Забавно, что именно французские корни в первую очередь побудили меня поставить такую цель.

А вот Виктория, кажется, считала, что у меня нет шансов.

– Да, думаю, такому парню, как я, иного и не светило, – язвительно отвечаю я.

– Я имела в виду другое.

– Да нет, именно это.

– Извини, – шепчет Виктория.

подавляю гнев, зная, что эта шпилька в мою сторону прозвучала только потому, что Виктории самой было больно.

– Я не намеревался тебя обидеть.

– Хорошие парни так не поступают.

– Не смей винить меня в этом.

– Теперь не буду. Меня предупреждали.

– Пойду с ними разберусь. – Вытаскиваю из почти развалившегося комода штаны. – Скоро вернусь.

– Не утруждайся. – Виктория натягивает сарафан. – Я должна быть дома пораньше из-за того, что вчера задержалась у тебя. – У нее дрожит голос, и меня это не устраивает.

– Виктория. – Она смотрит на меня со слезами на глазах. – Я предупреждал тебя, что ничего серьезного между нами быть не может, потому что я могу уехать.

– Знаю. – Ее огорчение вызвано надеждой, что она станет исключением из правил. Но наши отношения были поверхностными, потому что я ничего ей не рассказывал. Виктория была идеальной кандидатурой для того, чтобы скоротать лето. Богатая и порой немного требовательная, но с добрым сердцем. Она хмыкает, застегивая босоножки. – Я считала себя счастливицей, встречаясь с тобой. Теперь желаю забыть об этом.

– Я позвоню тебе.

Она молчит.

– Я обязательно тебе позвоню.

– А зачем? Не вижу смысла, – качает она головой. – Удачи во Франции.

Виктория встает на цыпочки, чтобы поцеловать меня, от-

вечаю на ее поцелуй и выпускаю из объятий, когда она, отстранившись, нерешительно замирает, после чего открывает дверь.

– Мне нравится, что ты отсюда уедешь. Ты слишком хорош для этого города.

Смотрю, как она удаляется по коридору. Вскоре слышу, как хлопает входная дверь. Меня терзает вина, но, одеваясь, подавляю это чувство. Начиная с этого момента, все, хоть отдаленно напоминающее отношения, будет только мешать моим успехам. И это еще одна жертва с моей стороны, если хочу довести планы до конца. Я позволил себе отношения с Викторией, потому что в обозримом будущем она была моей последней девушкой. Одевшись, сердито иду по коридору и резко распахиваю дверь в комнату Доминика. На его кровати сидит Шон и переливает во фляжку водку Дельфины, возместив выпивку водой из бутылки. Пойманный с поличным, он лукаво улыбается и пожимает плечами.

– А что? Я уже несколько месяцев так делаю. Зато она не такая пьяная и меньше страдает от обезвоживания.

– Я запрещал вам соваться в мою комнату, когда она здесь.

– Да она *всегда* здесь, – говорит увлеченный игрой Дом, сидя в кресле-мешке, из которого уже вырос, и щелкает пультом. – Но сиськи красивые, я успел заценить.

Выбиваю из его руки пульт, и брат поднимает голову, приготовившись к моему гневу.

– Какого хрена с тобой творится? У тебя же есть мозги, –

бурчу я.

– А еще, брат, у меня есть член. Я тоже кое-что подмечаю, – насмешливо парирует он на показуху – в основном для Шона, который подбирает пульт.

– Оставшуюся неделю проведешь, уединившись с ней в комнате? Мне нужно записываться на прием, чтобы постучать в твою дверь? – раздражается он гневной тирадой, и в этом нет ничего странного.

– Сегодня вечером я собирался устроить вам поход, но теперь можете об этом забыть.

Дом едва заметно вздрагивает, но я знаю, что мои слова его задели. Шон вскакивает, откинув пульт в сторону и тут же забыв об игре.

– Я готов.

– Не готов, если так себя ведешь. – Поворачиваюсь к брату. – А ты веди себя с ней уважительно.

– Ты что, ее любишь? – спрашивает Дом скорее из любопытства, но нам нет нужды это обсуждать. В этом плане, как и во многом другом, он опережает сверстников. Хотя я уверен, что Дом еще невинен и повернут на том, чтобы изменить этот статус. Судя по вниманию со стороны женского пола, долго ждать не придется.

– Я рассказывал тебе, что говорил папа?

– Когда любишь кого-то, то никогда не должен в этом сомневаться.

Я киваю.

– Но даже если не любишь, относись к ним хорошо. Не нужно вести себя как гондон, даже если хочешь этого.

– Мудрый совет, брат. Буду рад, если на неделю закончишь с нотациями. – Дом смотрит на Шона. – Мы оба будем рады.

– Хочешь наглядный пример того, что может сотворить с женщиной дурной мужчина? – Я киваю в сторону спальни Дельфины. – Взгляни, черт возьми, на тетю.

Оглядываю мальчишек и вижу, что мои слова приводят их в чувство. Доминик закатывает глаза.

– Хочешь, чтобы я ее пожалел?

– Нет, хочу, чтобы понял, почему она так себя ведет.

– Это ее выбор.

– Точно так же, как ты сейчас решил вести себя как маленький невежественный ублюдок.

Дом в свои одиннадцать в два раза умнее меня, когда я был в его возрасте, и с ним в три раза труднее сладить. Отчасти виноват в этом я, ведь сам поделился с ним почти всем, что знаю.

– Всегда относись к женщинам с уважением. Они намного более развиты, чем большинство мужчин. Не отыгрывайся на них. Это признак слабости, а женщины не груша для битья. Они – святыня, и тебе нужно как можно скорее это уразуметь.

– Сколько их у тебя было в последнее время? – встревает Шон.

– Слушай меня внимательно.

– А у нас есть выбор? – умничает Дом, и я толкаю его на матрац, который стал ему мал. Последние несколько недель брат особенно вспыльчив, и теперь ясно почему.

– Брат, я уезжаю. Извини, что оставляю тебя с ней, но для нас так будет лучше. Ты должен мне довериться.

– Ага, нам будет гораздо лучше, когда ты окажешься за тысячи километров отсюда, – сухо констатирует он.

Обхватываю ладонью шею, чувствуя, как в груди разрастается боль.

– Вскоре ты поймешь причину.

– Да ни хрена я не обязан понимать!

Рывком поворачиваю его к себе, и Шон тут же вскакивает. Я редко даю брату затрещину, но реакция Шона показывает, как мы оба к этому относимся. Чувствую облегчение от того, что Шон вскидывается, готовый не мешкая встать на защиту Дома. Меня переполняет гордость, но я продолжаю говорить напористым тоном, смотря на Доминика.

– Думаешь, если бы я мог, то не взял бы тебя с собой?

– Нет, ты всего лишь уезжаешь на шесть-семь лет, потому что так для нас, видите ли, будет лучше.

– И шести недель не пройдет без встречи с тобой. Я уже тебе объяснял.

– Посмотрим, – бурчит Дом с явной обидой в глазах. Его, как и меня, пугает предстоящая разлука. Шон тоже как на иголках, но прикидывается дурачком и немного рисуется,

чтобы скрыть обеспокоенность из-за моего отъезда. Единственное, что утешает, – они будут друг за другом приглядывать.

– Почему Париж? Почему так далеко? – спрашивает Шон, пока я перевожу взгляд с одного мальчишки на другого. Последние дни дома истекают, и это явно отражается на наших отношениях, что сейчас ставит меня в тупик.

– Верните ее бутылки и сразу же собирайтесь. Пора вам узнать.

– Что узнать? – спрашивает Дом.

– Что я все делаю ради тебя.

– Не вижу тут никакой логики, *брат*.

– А когда увидишь, запихну эти слова тебе в глотку. – Поворачиваюсь к Шону. – Иди за Тайлером и своим инвентарем и через полчаса возвращайтесь.

Шон открывает окно.

– Есть!

– Шон, – окликаю, и он замирает, перекинув одну ногу за окно, – почему не пользуешься входной дверью?

Он одаривает меня ухмылкой.

– Разве ж это весело?

Покачав головой, перевожу взгляд на брата, который с интересом за мной наблюдает.

– Куда идем?

– К моему месту.

Он замолкает. Дом годами умолял меня взять его с собой,

но до сегодняшнего вечера я всегда отказывал. Один раз он за мной проследил, но на полпути я его засек и отволок обратно домой. Только в том месте я мог найти немного покоя, там хаотичные мысли и паника преображались во что-то более определенное. Там я мог осмыслить то, что подвергал сомнению. И до сих пор ни с кем не делился этим местом.

Меня переполняет страх при мысли, что я оставлю Дома на милость Дельфины в этой дыре, но он достаточно толстокожий, чтобы это вытерпеть, а его уверенность с лихвой покрывает другие недостатки – я в этом убедился. Возможно, тут я немного хватил лишнего из-за его поведения.

Запихиваю в сумку одежду на несколько дней, как раз в тот момент, когда со смены возвращается Дельфина, смотрит на нас обоих из коридора, а потом решает войти в мою комнату.

– Куда вы?

– В поход. Вернемся через несколько дней. Тебе что-то нужно?

– Ничего. – Она стоит в дверях, скрестив руки, и смотрит, как я собираюсь. – Спасибо, что оплатил счет за электричество.

Получив компенсацию в связи со смертью родителей, я договорился первый год во Франции оплачивать некоторые ее счета, но ни за что ей об этом не скажу. Для Дельфины это станет поводом уйти в загул, а она в последнее время пыталась держаться трезвой – во всяком случае, ведет себя чуть

разумнее и уже меньше вспоминает о пагубных привычках.

– Ты справишься до конца месяца? – В третий раз складываю футболку.

С ним все будет хорошо. С ним все будет хорошо.

С досадой снова разворачиваю и начинаю заново, чувствуя на себе ее взгляд.

– Что?

– Даже если бы не справлялась, все равно не хочу ни цента из этих паршивых денег. Да я лучше помру от голода.

– Да, но меня это не устраивает. Не позволяй моему брату страдать из-за твоих предрассудков, – предупреждаю ее я. – Он достаточно настрадался.

– Зачем вам идти в поход?

– Нужно многое обсудить.

Она прикусывает губу, заходит в комнату и закрывает дверь.

– Ты уверен, что хочешь этого?

– Мы же уже все решили.

– И сообщаем им только сейчас? Думаешь, они когда-нибудь поймут?

– Они присутствовали на нескольких собраниях. Я должен рискнуть. Им нужно начать уделять этому внимание. Они либо останутся в игре, либо выступят, но готов поставить на последнее. Дом гениален, но пока он еще просто ребенок.

Дельфина смеется.

– Как и ты.

Она не двигается с места, и это раздражает. Разворачиваю футболку, не в силах сосредоточиться на счете, пока за мной наблюдают. На висках скапливается пот, и меня жутко возмущает, что Дельфина стоит тут и следит за каждым моим движением. Чувствую, как начинает стучать в виске, когда подступает тревога.

– Что?

– Ваши родители бы гордились. – Я смотрю ей в глаза, в которых стоят слезы. За годы Дельфина стала мягче, скорее чувствительной алкоголичкой, чем злобной. – Я опозорила их тем, как справилась с их смертью.

Она редко признает свою вину. Что-то тут неладно.

Я подхожу к ней. Тетя – одна из самых красивых женщин, что я видел, но ее красота потускнела из-за жизни, которая лишила ее многих прекрасных черт. Она никогда не выстоит перед невзгодами, да и брата я никогда ей полностью не доверю из-за того, как она с собой обращается. Потому буду приезжать домой через каждые шесть недель и проводить все праздники и лето в Трипл-Фоллс. Ни за что не позволю Дельфине слепить из Дома свое подобие.

– Хочешь загладить вину?

– Я уже не жду искупления, племянник, – признается она, не смотря мне в глаза.

– Возможно, – соглашаюсь я. – Но, если ты говоришь ис-

кренне, – я понижаю голос, – *traite-le bien*¹⁶.

– Я пыталась с ним поговорить. – В ее голосе звучит надежда, и моя тревога немного стихает.

– Ему не нужен еще один друг. Сейчас ему как никогда нужен авторитет. Но ты должна заслужить его уважение, чтобы он к тебе прислушивался. Расскажи ему свои истории. Расскажи то, что рассказывала мне. Расскажи о своем прошлом. Это хороший способ заслужить его уважение. *Sois ferme. Mais traite-le bien. Il te résiste maintenant. Les choses ne changeront pas du jour au lendemain, mais si tu restes ferme, il s’y fera. Fais cela et tu auras gagné ma confiance*¹⁷.

– Ты стал намного лучше говорить по-французски, – замечает она.

– Знаю. – На какое-то время я подзабыл французский и подвел Доминика, не упражняясь с ним в родном языке.

– Самоуверенный засранец, – бормочет Дельфина, а потом с беспокойством на меня смотрит. Я перегнал ее по росту еще несколько лет назад. – Ты в этом уверен? Ты знаешь, с кем там связаться?

– Знаю. Знал уже давным-давно.

– Ладно. – Она забирает у меня футболку и вместо того, чтобы сложить ее, сворачивает и засовывает в мою сумку. –

¹⁶ Хорошо с ним обращайся (*фр.*)

¹⁷ Стой на своем. Но хорошо к нему относись. Сейчас он тебя не уважает. За одну ночь его отношение не изменится, но, если останешься прежней, он прислушается. Сделай это, и я стану тебе доверять (*фр.*)

Так не помнется. Тебе все равно, но... – Дельфина пожимает плечами.

Перевожу взгляд с футболки на тетю, а потом вынимаю все вещи и скатываю их, как она показала.

– Мистер Всезнайка еще не все знает, – смеется она. – Это уважит твоего папу. Он много говорил...

– Разговоры. – Я раздраженно качаю головой. – Довольно разговоров. Я устал от разговоров, и если парни станут частью этого, – киваю в сторону комнаты Доминика, – то они должны узнать, что происходит. Он думает, я уезжаю подальше от этого места, от него. – Мне больно даже от этих слов.

– Я думала, ты уезжаешь подальше от меня, – ее самоуничижительный смешок говорит сам за себя. Это отдаленно напоминает извинение, но на большее рассчитывать не стоит.

– Мы долго продержались. – А это самые приятные слова, что я могу сказать по этому поводу. После жаркой ссоры между нами Дельфина стала стабильнее и начала снова проводить встречи. Сколь бы ни претили некоторые ее привычки, я немного восхищаюсь тем, как она себя ведет, насколько незыблемы ее убеждения, насколько бескомпромиссно звучит ее речь.

– Остальных ты не уведомишь? – Она имеет в виду основных членов собрания.

– Пока нет.

– Считаешь это разумным?

– Думаю, что, если провалю эту попытку, станет только

хуже, если они будут об этом знать.

– Просто будь осторожен. Лучше не шути с теми людьми, которых ищешь, Иезекиль. Людьми вроде твоего отца...

– Дельфина, осторожнее, а то в твоём голосе прорежутся материнские нотки.

– Боже упаси, – шутит она, но в её голосе и выражении лица есть искреннее беспокойство.

Дельфина не из тех, кто склонен к сентиментальщине, и потому уходит, но перед тем, как закрыть дверь, просовывает голову.

– Тобиас, у тебя все получится. Я знаю.

– Да, у меня получится. И у них тоже, – киваю на комнату Доминика. – Помяни мои слова. Они для этого рождены.

* * *

Сидя перед камином в кресле с высокой спинкой и занеся пальцы над клавиатурой, блуждаю по воспоминаниям о той ночи у костра, когда раскрыл намерения. Спустя почти неделю я крепко прижимал к себе младшего брата, едва сдерживая слезы, пока он пытался вырваться из моих объятий. Расчувствовавшись, я смутил его у всех на виду. Вспоминая тот день, стискиваю бархатные подлокотники кресла. Прихожу в себя, когда лежащий у моих ног Бо оживает, наострив уши, а потом снова кладет морду на лапы. Когда пес снова приподнимается, слышу доносящийся из спальни слабый

всхлип. В груди сжимается сердце, закрываю глаза и чертыхаюсь, когда ее отчаянный стон становится громче. Закрываю ноутбук и вскакиваю на ноги. Бо крадется следом, и мы быстро направляемся в спальню. Войдя в комнату, включаю лампу и смотрю на ее перекошенное от боли лицо, лоб, покрытый испариной, и подергивающуюся руку. Ночной кошмар? В любом случае я не в силах вынести эту картину. Когда мы были вместе, Сесилия будила меня легкими касаниями или тихим смехом, а я наблюдал за ней, гадая, что же ей снится, и ждал утра, чтобы об этом услышать. Сейчас совершенно иная ситуация, да и сны отличаются.

Когда с ее губ срывается всхлип, сжимаю кулаки, твердо вознамерившись снять это бремя.

В этом виноват я. Я же все и исправлю.

Сев на край кровати, наклоняюсь и целую Сесилию в висок, и она просыпается, но потом снова проваливается в сон.

– Dis-moi contre qui me battre, et je me battraï jusqu'à ce qu'ils disparaissent¹⁸.

Когда по ее щекам текут слезы, осторожно приподнимаю ее и прижимаю к своей груди, а ее руки безвольно висят по бокам.

– Dis-moi comment réparer cela. Dis-moi, mon amour. Je ferai n'importe quoi¹⁹.

У нее вырывается еще один всхлип, и она шевелится, а я

¹⁸ Скажи, с кем мне сразиться. Я буду сражаться, пока они не исчезнут (*фр.*)

¹⁹ Скажи, как мне все исправить. Скажи, любовь моя. Я пойду на все (*фр.*)

крепко прижимаю ее к себе, пытаюсь помочь.

– Ce n'est qu'un rêve, trésor. Je suis là. Je suis là²⁰.

Сесилия истошно кричит во сне мое имя, и сердце сжимается, когда она начинает рыдать. Ее трясет, а по щекам текут слезы. Сцеловываю каждую из них, пока Сесилия пытается заговорить, но вместо того кричит и цепляется за меня.

– Все хорошо, Сесилия. Все хорошо. – От беззвучного крика ее тело дрожит, она царапает мне спину, а я целую ее лицо, губы, нос, висок, после чего шепчу ей на ухо.

– Я здесь. – Я не могу пообещать ей, что не случится ничего дурного, что в темноте не рыскают монстры, потому что это не так. Могу только попытаться защитить ее от них и от вреда, что может нанести дремлющее во мне чудовище. Наконец, придя в себя, Сесилия напрягается и всхлипывает, я отпускаю ее, и она смотрит на меня опухшими глазами.

– Расскажи мне.

– Не сейчас, – отвечает она хриплым голосом и отводит взгляд. – Видимо, я тебя разбудила?

– Нет, я работал за компьютером в гостиной.

– Не можешь уснуть?

– Отхожу от смены часовых поясов. Уверена, что не хочешь мне рассказать?

– Это просто сон. – Ее слова и поза лишают это мгновение интимности. Сесилия снова отгородилась от меня стеной. Пытаюсь прижать ее к себе, надеясь услышать призна-

²⁰ Это просто сон, сокровище. Я здесь. Я рядом (*фр.*)

ние, но отпускаю, когда она отстраняется, ерзает и встает. – Я в порядке.

Хватаю ее за руку, пока она не успела уйти.

– Не лги мне.

Сесилия напрягается и смотрит на меня через плечо. Возмущение. Оно ощущается так явственно, и она говорит холодным тоном.

– Как нагло просить меня о таком.

– Я в курсе.

– Хочешь честный ответ? – Она выдергивает руку. – На протяжении нескольких лет я переживала эти сны *без тебя*.

Ее заявление, дополненное резким хлопком двери, ведущей в ванную, дает мне понять мое место.

Я ей не нужен, но это я и так знал. Она стала независимой, самостоятельной, очень упорной и чертовски сильной. Она во мне не нуждается. С этим фактом придется жить и уважать ее за это.

Просто нужно снова заставить ее желать меня.

Когда несколько минут спустя она выходит из ванной, глаза ее сухие, а поза решительная, она смотрит на меня.

С вызовом.

Моя воительница.

Сесилия подзадоривает меня надавить на нее, но сегодня я этого делать не стану. Стягиваю через голову футболку и бросаю на пол. Сесилия смотрит, как я снимаю штаны и перешагиваю через них. Между нами несколько месяцев – по

правде, лет – не было интимной связи, потому что я никогда не смогу себя простить за то, что от подпитанной джином ярости взял ее на столе. Больше всего на свете хочу стереть из памяти, как брал ее в последний раз, забыть это воспоминание, заменить ее протяжные мучительные крики стонами удовольствия. Но даже если бы Сесилия сняла закрытую фланелевую пижаму, я бы не стал с ней спать. Не когда вижу в ее глазах страх, настороженность, нерешительность. Но все равно в ней нуждаюсь и возбуждаюсь при виде чудесно сложенной и равной мне женщины, которой она стала. Сесилия подбирается, когда я подхожу к ней, сердитой, запутавшейся в чувствах, мучимой прошлым, которое не могу изменить, и ошибками, которые не могу исправить.

– Я тоже не знаю, что будет дальше, – шепчу я. – Не знаю, сколько понадобится времени, какие слова нужно говорить, какие поступки совершать. Сесилия, у меня нет планов, ни одного. – Хватаю ее за руку и веду обратно в постель. Сесилия молча ложится ко мне спиной, и я притягиваю ее к своей груди, обхватив руками.

Ее аромат, утешение от осознания того, что она в безопасности, немного затмевают боль от ее криков. Жду, надеясь получить объяснение, надеясь, что не стал причиной ее слез, но она молчит.

Время. Мой треклятый враг, невидимая сила, которую мне никак не сразить. Секунды для спасения брата, а теперь годы между мной и любимой женщиной из-за моих выводов

и ошибок. Даже сейчас время показывает свою неприглядную сущность, издевается надо мной. Оно – главная причина возникшего между нами отчуждения.

Сесилия прожила без меня целую жизнь.

И что смешнее всего? Придется примириться со своим заклятым врагом, потому что время – единственное, что может нас исцелить.

– Ce rêve dans lequel nous sommes tous les deux. Emmène-moi avec toi²¹.

Сесилия берет меня за руку – ту, что лежит у нее на животе, и вскоре засыпает, взяв меня с собой. Просыпаюсь я в одиночестве.

²¹ Давай окунемся в этот сон вместе. Забери меня с собой (фр.)

Глава 9

Тобиас

Восемнадцать лет

Слышу громкий стук в дверь, а за ним:

– Открывай, Кинг, я знаю, что ты там.

Застонав, закрываю книгу. Только одному человеку известен адрес хостела, где я снимаю комнату.

Приоткрыв дверь на пару сантиметров, вижу ослепительную улыбку. Престон как обычно одет с иголки, словно только что сошел с обложки журнала. И все же ему абсолютно неведом реальный мир, и из-за этого я ему завидую.

– Ну-ну, так я и думал: сегодня наш последний вечер, а ты собираешься его потратить – дай угадаю – на чтение? Ты был бы для меня бесполезен, если бы каждая школьница не хотела тобой полакомиться. Так уж вышло, что сегодня мне нужен мой сводник. – Это ложь. Престон знаменит среди студенток своей репутацией, вызывая интерес индивидуальностью и похождениями. Даже я сразу проникся к нему симпатией вопреки намерениям держаться ото всех подальше. В

отличие от меня он ищет внимания. Престон достает из дорожного на вид пальто небольшую бутылку джина и показывает мне. – Хотя бы разок хочу стереть хмурое выражение с твоего лица. Одевайся, а остальное дело за мной.

– Я занят.

– Чушь собачья, тебе так же скучно, как мне. У тебя есть одна минута, пока я не начал петь сопрано святочный гимн, а если и это не поможет, то придумаю что-нибудь поизощреннее.

Знаю, что он подкрепит свою угрозу действием, и потому с раздражением отхожу от двери, не обращая внимания на его самодовольную торжествующую ухмылку. Подойдя к вешалке, стоящей посреди комнаты, перебираю одежду и снимаю лучшую рубашку. Я крайне ограничен в средствах из-за того, что предпочел одноместную комнату, и сейчас практически питаюсь воздухом. Новая одежда – роскошь, которую в ближайшем будущем не смогу себе позволить, а когда в последний раз менял ценники на понравившемся свитере, меня чуть не поймали. Париж – город, полный отменных воров, и с самого первого дня я внимательно наблюдал за теми, кто попадался на моем пути. Мое просвещение выходило за рамки обучения в колледже и распространялось на тренировку ловкости рук.

Престон оглядывает комнату, а потом смотрит на меня, и я благодарен, что в его взгляде нет ни капли жалости. Я бы его за это возненавидел.

– Уныло. – Прямота – одно из качеств, которые ценю в нем больше всего, и я согласен с ним.

В моей комнате нет ничего, кроме одноместной кровати, напольной вешалки и небольшого стола со встроенной лампой, который купил на уличном базаре и протащил десять кварталов.

– Неприятельный ты парень. Мне нравится.

Застегнув рубашку, подхожу к кровати и достаю поношенные лакированные туфли, а Престон ставит бутылку на стол, подходит к вешалке и ищет что-то более подходящее. Когда его поиски оказываются провальными, он поворачивается ко мне и смотрит, как я завязываю шнурки.

– Мужик, на улице дубак. Возьми пальто. А еще лучше – у меня в машине есть запасное, возьми мое. – Он снимает пиджак и протягивает мне. Решив не спорить, что чаще всего совершенно бессмысленно, запихиваю руки в рукава. Пальто подогнано идеально.

– Признавайся, Кинг, ты будешь по мне скучать.

– И почему я должен скучать? Ты шумный, надоедливый, заносчивый и вздорный.

– О, друг, так мы похожи.

Улыбнувшись, Престон берет со стола джин, откупоривает бутылку и, сделав глоток, протягивает ее мне. Беру протянутую бутылку, залпом выпиваю холодную жидкость, прежде чем задать пугающий вопрос.

– Куда мы идем?

– В загул.

– Мне не нравится эта идея.

– Пока не нравится. Глотни-ка еще разок.

Сделав еще один глоток, отдаю ему бутылку и сопровождаю на выход.

– У тебя что, замок сломан? – Он внимательно смотрит на то, как я судорожно вожусь с замком. И тогда понимаю, что отсчитываю в третий раз. Охватывает невыносимое желание возобновить все сначала. Однако вытаскиваю ключи и кладу их в карман его пальто. Не удержавшись, провожу пальцами по дорожкой подкладке.

– Старая привычка, – пожимаю плечами. – Дома с замком были проблемы.

Престон ничего не говорит на мое оправдание, и мы идем по коридору на выход. Оказавшись на улице, он ведет меня к тонированному лимузину, из которого выскакивает водитель и открывает перед нами дверь.

– Почему ты выбрал джин? – спрашиваю я у Престона, усевшись на кожаное сиденье.

– Эта коричневая жидкость выявляет худшее в людях. – Он садится напротив. – Так говорит мой папа – ну, точнее, говорил.

Престон, как и я, сирота. Его отец был конгрессменом, который скончался от сердечного приступа в довольно молодом возрасте. Вскоре умерла и мать, которую не спасла двойная мастэктомия. Разница между нами в том, что его кор-

мили с платиновой ложечки, и он является распорядителем не только того состояния, что досталось от родителей, но и нескольких предшествующих поколений. Наследства у него в избытке. Ему и дня в жизни не придется работать, что делает его существование бесцельным и, как я понял, безрассудным. Ему девятнадцать, и он воплощение американской мечты. И все же, каким бы он ни был, я не могу его за это ненавидеть. Престон не видит во мне объект благотворительности, но в едва заметных проявлениях доброты и поведенных им историях чувствую его сочувствие, и порой это действует на нервы. Даже если всячески скрывать бедность, она может быть до боли очевидной.

– Меня отправили во Францию по совету наставника и учебно-просветительного организатора, чтобы я расширил свой кругозор и получил реальный опыт. Семестр окончен, дружище. Завтра я отправлюсь домой, совершенно неудовлетворенный своим кругозором. – Улыбкой Престон намекает, какие у него намерения. – Сегодня мы это изменим.

– Да что вообще может случиться?

Престон постукивает пальцем по кожаному сиденью, а я стискиваю пальцы, и он одаривает меня еще одной самодовольной ухмылкой.

– Отвали, – бурчу я.

– Расслабься. – Он берет с сиденья запасное пальто, и у меня не остается сомнений, что то, которое на мне, Престон принес для меня. Престон достает из внутреннего кармана

серебряный портсигар, открывает и, выудив косячок, поджигает его.

– Начнем с ужина, – выдохнув дым, говорит он, когда мы отъезжаем. – Минимум пять блюд. Устроим себе джентльменский вечер. – Он вынимает из другого кармана галстук и бросает его мне на колени. – Там дресс-код.

Поглаживая шелковую ткань, киваю и смотрю на галстук, чувствуя, как жар поднимается по шее.

– Я...

– Ни слова больше, мой друг. – За считанные секунды Престон ловко завязывает на галстуке подвижный узел и снова бросает его мне.

Накинув его на шею, стягиваю узел у горла и смотрю на Престона. Он одобрительно кивает. Унизительно и оскорбительно сколько всего мне нужно узнать, и я ежедневно получаю напоминания, сколько еще предстоит изучить. Общество таких парней, как Престон, снова и снова это подтверждает, что временами может приводить в бешенство. Ученье – свет и залог успеха, как и жизненный опыт.

И Престон обладал этим преимуществом. До шестнадцати лет отец был ему наставником. Мне же не так повезло. При мысли, что Роман Хорнер безбоязненно живет в богатстве, пока я извожу себя из-за галстука, в жилах вскипает кровь. Когда придет время, я не хочу, чтобы за Романом было хоть какое-то преимущество. Я сторонний наблюдатель, пока мой гнев растет, но однажды перестану им быть. Я живу

ради дня расплаты и алчно познаю все, что только могу. У Романа козыри в виде знаний, возраста и опыта, а я из книг почерпнуть могу не так много. Но, более того, Престон, как и Роман, похоже, уже знает, кем станет.

– Кинг, я хочу, чтобы ты в кои-то веки позволил мне рулить. Я не дам тебе терять даром драгоценные секунды юности.

Этим заявлением он дико заливает, и мы оба это знаем. Престон со своей неотразимой выдающейся личностью налетел как цунами, схватил меня за руку и в этом семестре таскал меня за собой. Последние пару месяцев мы были силой, с которой приходилось считаться, – в основном из-за интереса студенток, что привлекло к нам еще больше внимания и довело до парочки драк, больше Престона, поскольку он любит, когда ему бросают вызов.

Отчего-то я ему доверяю и доверяю *себе* в его обществе. В глазах Престона нет провокации – он влезает во все это сугубо ради развлечения, а не саморазрушения, и это мне импонирует.

Я несколько раз отклонял его приглашения из-за учебы, потому что нужно было сохранить средний балл, или из-за необходимости лететь домой. Но мы с лихвой наверстывали упущенное совместным похмельем. С Престоном легко и непринужденно. С ним я позволял себе свободу, которой у меня не было дома. И точно знаю, что, как только он уедет, вернусь к прежнему затворническому образу жизни.

– Последний вечер, Кинг, – говорит Престон, вытаскив из полного бара два стакана со льдом, и разливает по ним оставшийся джин. – Давай оторвемся.

Престон протягивает стакан, и я чокаюсь с ним.

Последние несколько недель я был... не в своей тарелке. Хотя оценки были безупречными, высокий средний балл стоял под вопросом, и мне буквально силком приходилось заставлять себя готовиться к вступительному экзамену следующей осенью. Пока что об этом и речи не было, потому что попытки найти давних знакомых родителей ради помощи и наставлений оказались тщетными. Похоже, биологический отец своим поведением лишил меня всяческих шансов. Никто не хотел иметь дело с сыном Абиджи Бэрана. На данном этапе мой список почти исчерпан. Чем чаще перед моим носом захлопывают дверь, тем больше думаю, что приезд во Францию был ошибкой. Дорогой ошибкой. У меня ничего не получается, а из-за стресса, вызванного тревогой за брата, его безопасность, и убывающих финансов, к чему прибавляется отсутствие прогресса, мне нужно как можно чаще отвлекаться.

– Я в деле.

* * *

Luniz читает «I Got 5 On It», а пол под ногами дребезжит от тяжелых басов. Вид заслоняют ангельски светлые волосы,

щекоча мне нос, а перед глазами стоит попка в форме сердца.

– Tu me vexes²².

Возвращаю внимание на девушку и в ответ получаю искреннюю улыбку на полных ярко-розовых губах.

– Te voilà²³.

– Pardonne-moi²⁴.

Одобрив ее движения, засовываю одну купюру за полоску ее стрингов.

– On ne touche pas²⁵.

– Pardon. – Поднимаю руки, когда стоящий на стреме возле нашей кабинки вышибала угрожающе приближается. В свою защиту отмечу, что пилон и сцена на возвышении располагаются в жалком метре от нашего столика, что делает ее особенно желанным объектом, а для меня – уважительной причиной пялиться во все глаза.

– Est-ce ta première fois dans un endroit comme celui-ci?²⁶

От очевидного факта краснею и решаю не врать.

– Oui.

– Ah, mais un homme comme toi ne devrait pas avoir besoin d'être ici²⁷.

²² Обижает (фр.)

²³ То, что нужно (фр.)

²⁴ Извини (фр.)

²⁵ Не трогай (фр.)

²⁶ Ты впервые в подобном месте? (фр.)

²⁷ О, мужчине с такой внешностью нет нужды сюда приходить (фр.)

Ее голос источает секс, тело – настоящий дар, но я всячески стараюсь сохранять ясность ума, хоть и влил в себя примерно литр вина и джина. Однако своим предположением танцовщица попала в точку. Никогда не был в подобном месте, но даже мне известно, что этот клуб элитный и единственный в своем роде. И поскольку мы забрели сюда чуть позже полуночи, набив брюхо изысканными французскими блюдами и дорогим вином, к которому я тут же пристрастился, то привлекли к себе внимание большинства танцовщиц. Особенно когда Престон, не испытывая недостатка в деньгах, начал сыпать ими направо и налево. Женщина покачивает бедрами, намеренно пытаясь меня отвлечь и умышленно провоцируя, и я снова перевожу взгляд на сидящего в ВИП-зоне мужчину. Он здесь явно не впервые. Секция, которую он облюбовал, прямо напротив нашей кабинки и располагается на возвышении, четко указывая на место, которое мы занимаем в иерархии.

Нас разделяют бархатная веревка и несметное количество влияния и денег. Однако я уверен, что если бы Престон выставил напоказ свой банковский счет, то с легкостью поспорничал бы за звание самого азартного игрока.

Я не заиклен на деньгах. Знаю, сколько зла они могут принести, но сегодня вечером не раз получал оплеуху от реальности своего положения. Думаю о Доме, который с пяти лет спит на старой кровати, о крыше, которая протекает в углу его спальни, и плесени, выросшей в шкафу. Мой унылый

номер в хостеле – дворец в сравнении с комнатой Доминика.

– Je pourrais te permettre de me toucher. Mais pas si tu continues à m’insulter en détournant ton regard²⁸.

Недовольно смотря на меня светло-кариими глазами, танцовщица у пилона прогибается в талии, снова пытаюсь вызвать мой интерес. Предложение заманчивое, но я слишком рассеян. С каждой секундой доводы остаться в Париже утрачивают значимость. Сейчас я мог бы все прекратить, покончить с целями. Мог бы вернуться домой, поступить в университет Лиги плюща и найти способ оплатить учебу. Через четыре-пять лет устроиться на работу с шестизначной зарплатой, с помощью которой вывез бы Доминика из гадюшника Дельфины и обеспечил ему будущее.

Но с мыслью снова сбивает интуитивное чувство вкуче с настороженностью. Ощутимое напряжение не ослабевало с той самой минуты, как полчаса назад сюда вошли трое мужчин в костюмах. Сотрудники клуба разбежались как крысы. Судя по тому, что я увидел, причиной тому стали страх или уважение, а это навело на мысли, что эти люди – важные персоны или работают на какую-то важную персону, и я намерен узнать, на кого.

– Dis-moi sur quelle chanson danser. Tu vas voir, ça en vaudra la peine²⁹.

²⁸ Разрешу тебе ко мне прикоснуться. Но только если перестанешь унижать меня, смотря в другую сторону (*фр.*)

²⁹ Скажи, под какую песню мне станцевать. Вот увидишь, оно того стоит (*фр.*)

Больше остальных интерес вызывает мужчина, притулившийся в угловой кабинке. Он даже не смотрит в сторону танцовщиц. Его манера вести себя так и кричит о том, что этот человек подчиняется определенному порядку. Он не первой молодости и очень обеспечен, судя по костюму, дорогущим бутылкам, которые каждые несколько минут ставят на стол, и сигаре, что он задумчиво грызет. Типичный гангстер, омерзительный и бросающийся в глаза. Вполне вероятно, что таких людей скорее пьянит впечатление или внимание, которые они привлекают, чем спиртное, что вливают себе в глотки.

– Arrête de regarder, si tu ne veux pas qu’il te remarque³⁰.

– Qui est-il?³¹

– Un homme qui n’aime pas qu’on pose des questions à son sujet³².

Когда кладу одну из крупных купюр к ее туфлям, танцовщица смотрит на нее, а потом переводит взгляд на меня и едва заметно качает головой.

– Je ne sais rien. Personne ne sait rien ici. Et personne ne te dira quoi que ce soit. Mais tout ce que je sais, c’est que si tu poses trop de questions, si tu suscites le moindre soupçon, tu disparaîtras, ou tu le souhaiteras fortement³³.

³⁰ Прекрати пялиться, если не хочешь, чтобы он тебя заметил (*фр.*)

³¹ Кто? (*фр.*)

³² Человек, которому не нравится, когда люди задают о нем вопросы (*фр.*)

³³ Я ничего не знаю. Здесь никто не знает. И ничего тебе не расскажут. Но

Смотрю на пачку денег, которую Престон еще в машине перед приездом сюда сунул мне в руку, и понимаю: если прикарманю хотя бы часть, это несколько облегчит жизнь. Разозлившись и устыдившись подобных мыслей, выкладываю все деньги у ног танцовщицы.

– Quelqu'un sait quelque chose. Et si ce quelqu'un c'est toi, je serai très reconnaissant³⁴.

Как только мужчина встречается со мной взглядом, девушка загоразивает мне вид, вода сосками по моим губам. Ее шарм и джин берут свое, и я изо всех сил стараюсь не возбуждаться. Не то время и место, и хотя танцовщица красива, она не та девушка, с которой можно удовлетворить желания.

Она обхватывает меня за плечи и поворачивает лицом к Престону, который сидит в нашей кабинке с двумя открытыми бутылками, пот с него течет ручьем. У него на коленях подпрыгивает темноволосая красотка. Сейчас он в полубессознательном состоянии, единственный признак жизни – осоловелая улыбка от того, что к нему прижимается девушка. Танцовщица, обнимая сзади, проводит ладонями от моих плеч к груди. Ухо обжигает ее дыхание, а потом она резко впивается ногтями в ткань. Мой член не может не отреагировать. Издав шипение, радуюсь, что на мне пальто.

– Si tu ne croyais pas aux fantômes avant de venir ici ce soir,

зато я знаю, что если ты спросишь, если вызовешь у него подозрения, то вскоре исчезнешь. Или пожелаешь этого (*фр.*)

³⁴ Кто-нибудь обязательно что-то знает. И если знаешь ты, то я был бы очень признателен (*фр.*)

il en est la preuve. Il a un intérêt dans ce club. Une danseuse. Elle ne parle à personne ici. Jamais. Elle est escortée partout où elle va. Un des videurs les a suivis une fois et a disparu. Ce ne sont pas les hommes avec qui plaisanter³⁵.

– Merci³⁶.

Сразу же после нашего разговора прекращаю пить и, вежливо отклонив несколько подкупающих предложений от танцовщицы, отрываю Престона от брюнетки. Закинув его руку себе на шею, начинаю тащить приятеля из клуба, но он сопротивляется, шепча признания в любви оставленной им танцовщице.

– Je te retrouverai, mon amour³⁷. – Приложив ладонь к груди, он улыбается девушке. – Наконец-то я нашел истинную любовь в городе для влюбленных. А теперь вынужден уходить. Au revoir, ma chérie.

– Готов поспорить, она тебя быстро забудет, – фыркаю, пока он вырывается из моих рук и заплетающимся языком шамкает чувственное прощание.

Престон поворачивается ко мне, очень недовольный тем, что я прервал нашу ночную вылазку на этой ноте.

³⁵ Если до того, как прийти сюда, ты не верил в призраков, то он – живое тому доказательство. Его интересует в этом клубе только одно. Танцовщица. Она здесь ни с кем не разговаривает. Никогда. И всегда ходит в сопровождении. Однажды один из наших вышибал пошел за ними и пропал. С этими людьми лучше не связываться (*фр.*)

³⁶ Спасибо (*фр.*)

³⁷ Я найду тебя, любовь моя (*фр.*)

– Да что ты знаешь о любви, мужик?

– Что она отвлекает тебя от ходьбы. Окажи мне услугу и постарайся вспомнить, для чего тебе нужны ноги.

– Та блондинка на тебя запала. Почему ты этим не воспользовался?

– Она не в моем вкусе.

– А кто в твоём вкусе? Тебе нравятся игры с хлыстом и связыванием? Те, кому нравятся подобные игры, обычно тихони. Скажи, Кинг, я прав?

– Ногами шевели, – бурчу, почти волоча его по залу.

– Уверен, злобненькие тебе нравятся, – говорит он, остановив меня посреди клуба. – Мне нужно поссать.

Вечность жду его возле уборной, и мы наконец добираемся до выхода, возле которого теперь пусто – время позднее, да и быстро холодает.

– Где машина?

– Я позвонил водителю, пока отливал. Он рядом.

Престон прислоняется к зданию и закрывает глаза.

– Не нужно было пить последний стакан. На воздухе по-лучше. Через минуту приду в себя. Мне просто нужно второе дыхание. Ночь только началась, Кинг.

– С тебя хватит.

– А ведь так и есть. – Он медленно открывает глаза, но в голосе не слышно веселье. – Во многих отношениях.

– О чем ты?

– Даже притом, что мои родители лежат в могиле, от ме-

ня все чего-то ждут. Семья, в которой все добились успеха упорным трудом, рассчитывают, что, вернувшись домой, я оправдаю их надежды. Как только сойду с самолета, они до конца жизни будут следить за каждым моим шагом. – Престон вздыхает, и на фоне сияющей неоновой подсветки клуба вижу, как из его рта вырывается пар. – Для тебя это был просто пятничный вечер, а для меня... ну, это моя последняя гулянка.

– Ты еще поступишь в колледж.

– Нет. – Престон кивает в сторону клуба. – Не в обиду работающим дамам, но меня не интересуют стриптизерши. Я просто хотел вычеркнуть этот пункт из списка, чтобы сказать, что познал его на своем опыте. В моем будущем нет места стриптиз-клубам. Черт, да в моем будущем вообще нет ни черта веселого.

– А что есть в твоём будущем?

– Скука. До хрена скуки, а потом снова скука. Знаю, проблемы богатеньких мальчишек. – Он обхватывает рукой затылок. Танцовщица хорошенько взлохматила его уложенные каштановые локоны. – Деньги принадлежат мне, но за это приходится платить. Я должен достичь большего, а не быть обычным избалованным миллионером. Хочешь, расскажу, что хуже всего? Меня не привлекает мое будущее. И побрякушки эти не нужны.

– Вынужден сказать, что ты бредишь.

– Нет, тут другое. Скажу честно, друг, меня не интересо-

вала и половина той фигни, которой мы занимались в этом семестре.

Я посмеиваюсь.

– Меня тоже.

Престон усмехается.

– Я так и думал. И, признаюсь, мне это понравилось. Думаю, проблема заключается в том, что я просто хочу свободу выбора. Ты понимаешь, о чем я?

Мне не дают возможности ответить, поскольку в следующую минуту Престона прижимают к кирпичной стене. Вытаращив глаза, он смотрит на внезапно появившегося между нами мужчину.

– Vide tes poches. Maintenant³⁸.

Я его не заметил. Совсем. Он был фоновой помехой, пешеходом посреди оживленной парижской улицы. Я вообще не задумывался о приближающемся к нам мужчине, поскольку был полностью погружен в наш разговор. Похоже, Престон так же удивлен, однако мужчина смотрит на нас, достает нож и бросается с ним на меня. Отпрыгнув на край тротуара, едва успеваю увернуться.

Удовлетворившись тем, что ему ничто не мешает, мужчина хватается Престона за воротник и прижимает к его горлу кончик лезвия. Я примерно в трех метрах от них и понимаю, что Престон умрет, если напавший надавит чуть сильнее или резко дернет рукой.

³⁸ Выворачивайте карманы. Сейчас же (*фр.*)

Когда я вижу выражение лица Престона, что-то во мне надламывается. Бросаюсь вперед, хватаю мужчину за волосы и вдавливаю его лицо в кирпич рядом с плечом Престона. Меня захватывает кураж, безостановочно бью его кулаком в голову, он обмякает, а нож падает на тротуар. Когда мужчина валится на землю, пинаю его каблуком до тех пор, пока он больше не может поднять руки, защищаясь.

Быстро оглянувшись по сторонам, вижу, что мы все еще одни, и поднимаю вора за руки, глянув на Престона. Он стоит, привалившись к стене и смотрит на меня круглыми глазами. Замечаю над входом в клуб камеру и с облегчением понимаю, что мы вне поля зрения.

– Хватай его за ноги, – выпаливаю в панике, когда перед глазами встает лицо Доминика. Ни за что. Эта ошибка не может вывести меня из игры. – Престон, я не могу сесть за решетку. – Не озвучиваю самый потаенный страх: есть сомнения, что этот человек жив. Я еще никогда не применял столько силы.

Престон спохватывается, и мы несем мужчину в соседний переулок, бросив его за мусорным баком. Наклонившись, прижимаю пальцы к его шее, чтобы проверить пульс.

– Он жив?

Киваю и выпрямляюсь.

– Пойдем.

Престон останавливает меня, схватив за плечо.

– Забери его деньги.

– Что?

Кивнув, он показывает на лежащего без сознания вора и уверенно на меня смотрит.

– Это, черт возьми, справедливо. Забери у него деньги.

Повернувшись, наклоняюсь над мужчиной и смотрю на нанесенные мной увечья. Лицо расквашено до неузнаваемости, а из уха вытекает кровь.

– Ну же, Кинг.

Распахнув куртку на мужчине, шарю по его карманам и достаю стопку денег: некоторые купюры порваны, какие-то выглядят поновее. Понимаю, что вор ни цента не заработал из этих денег.

– А вот и куш. Он всю ночь этим промышлял.

Положив деньги в карман, подхожу к Престону, и мы молча покидаем переулок, ускорив шаг, когда замечаем ожидающийся у входа в клуб лимузин. Открыв нам дверь, водитель садится за руль.

– Куда едем, мистер Монро?

Мы смотрим друг на друга, и Престон говорит:

– Я проголодался. А ты?

Киваю.

– Отвези нас позавтракать. Сам выбери куда.

Водитель отъезжает от клуба.

– Да, сэр.

Престон кивает в мою сторону.

– Тебе придется избавиться от пальто.

Осмотревшись в свете фонарей, замечаю на пальто капли крови. Чересчур заметно. Стаскивая с себя пальто, наклоняюсь к Престону и шепчу:

– Никогда раньше не делал ничего подобного.

– Что ты почувствовал?

Пожимаю плечом.

– Плакать не стану.

– Я тоже. – Престон наклоняется и тихо говорит, зажав коленями руки. – И не суди себя за содеянное. Тот мужчина в любом случае прикончил бы меня ради наживы. Я понял это по его взгляду. Он был под кайфом. – Престон с задумчивым выражением лица откидывается на спинку сиденья. – Я в отца не только внешностью пошел, но и перенял его пронизательность. Знаю, кому можно доверять, а кому нет. Обычно понимаю это за первую минуту после встречи. – Вытащив из кармана портсигар, он закуривает косяк, который положил туда несколько часов назад, и говорит, сплюнув немного выпавшей травки. – На мой взгляд, есть плохие люди, которые совершают плохие поступки, а есть хорошие люди, которые поступают плохо по чертовски хорошим причинам. – Престон выразительно на меня смотрит. – Ты из таких.

– А ты?

– Я не в состоянии быть ни тем, ни другим. Когда-нибудь я стану человеком, которому будут нужны парни вроде тебя.

Престон отвозит меня домой к рассвету. Я ложусь спать, а когда через несколько часов собираюсь лететь домой, откры-

ваю дверь, то вижу, что проход перегородили шесть больших коробок. На самой верхней лежит записка.

Спасибо, что уберег меня от тягостных сборов, сводник.

П.

* * *

Той ночью между нами что-то изменилось. Мы оба это осознавали. Просто не совсем поняли, что именно изменилось. Мне было неведомо, насколько важную роль та ночь сыграет для моего будущего, но сейчас, вспоминая ее, знаю, что это было истинное начало.

Перед глазами встает недавнее воспоминание. Я стою у шкафа Сесилии, пот стекает по моей спине после очередной долгой пробежки с Бо. С интересом рассматриваю ее одежду. Сесилия не падка на бренды. В ее гардеробе нет дизайнерской одежды. В некоторых моментах мы с ней очень похожи, а в иных – полные противоположности. Даже став миллионершей, Сесилия непритязательна в одежде. Ей плевать на деньги, что она ясно дала понять, вручив мне унаследованную ею компанию вместе с доходом, полученным от нашей сделки.

Сесилии не нужны были деньги отца. Она хотела его любви.

Только ее она искала у мужчин, которых повстречала в жизни.

Глажу ткань одного из ее платьев.

– Я заглажу свою вину, mon trésor.

Никогда не жил с женщиной – а в зрелом возрасте вообще, в принципе ни с кем не жил, и на удивление нахожу приятным, что мой первый опыт станет последним. Если позволят время и жизнь. Время, как и любовь, само по себе чертовски безжалостно и не предполагает границ или перемирия. Оно враг. И с тех пор, как я вернулся, мы с Сесилией так и не восстановили прежние взаимоотношения.

Но ей нужно время – время и границы, – и мне придется уступить. Но верно ли будет не напирать на нее? Не отношусь ли я к ней как к слабой?

Она привыкла к другому отношению с моей стороны. Мы не такие по своей сути.

Схватив часть своей одежды, бросаю ее на кровать и подхожу к книжной полке, перебираю книги, пока не нахожу знакомую. Новый библиотечный экземпляр «Поющих в терновнике», похожий на тот, что несколько месяцев назад сгорел в ресторане.

«Полагаю, я навсегда останусь девушкой, желающей несбыточного».

Открыв книгу, перелистываю несколько страниц и хватаюсь за голову, когда вижу имя главной героини.

– Почему «У Мэгги»?

– Долгая история.

– Я ее знаю?

– До мелочей и как сторонний наблюдатель.

– Кинг, ты чертов идиот, – бормочу я.

Пару раз из любопытства пролистывал эту книгу, но не запомнил имена персонажей. Был слишком захвачен Сесилией, чтобы увидеть истинное значение этой книги, а спустя столько лет остался таким же невеждой.

Сесилия назвала свое кафе именем главной героини «Поющих в терновнике», истории, близкой ее сердцу. Украд этот роман из городской библиотеки, Сесилия предопределила нашу судьбу. Теперь ясно, что она сравнивала себя с Мэгги, а нашу историю – с той, что разворачивалась на страницах. Черт побери, да я выучу этот роман наизусть, раз он значит для нее так много. Но пока совершенно не понимаю, как поступить.

Впервые веду игру, не имея стратегии, а Сесилия продолжает жить так, словно я – помеха, которую ей приходится обходить. Сегодня утром она оставила меня дома намеренно, чтобы я больше ее не отвлекал.

Расстроенный, иду в ванную, открываю шкафчик для лекарств и с радостью вижу противозачаточные.

Это мы еще обсудим. Беру стоящую рядом бутылочку лосьона, снимаю крышку и делаю вдох.

В нос тут же ударяет знакомый аромат – ее аромат. Один из пусковых факторов зависимости от нее. Когда читаю на

этикетке название, понимаю причину.

Можжевельник.

Неудивительно, что я пристрастился к аромату Сесилии. Каждую ночь упиваюсь ее ароматом... в своем чертовом джине.

– Отлично сыграно, королева, – задумчиво бормочу, закуриваю лосьон и закрываю шкафчик.

Порывшись в ящиках, понимаю, что веду себя, как настоящий сталкер, который знать не знает, что ищет. Озарение? Средство, которое поможет снова ее завоевать? С досадой захопываю ящик, зная, что не найду ничего полезного, пересчитав ватные палочки. В кармане вибрирует телефон, и я, обрадовавшись поводу отвлечься, достаю его.

Входящий от Тайлера.

Через минуту я отвечаю:

– Тобиас.

– Тебе обязательно было ставить меня на место, ответив после двух гудков?

– Добрый день, мистер Президент. Как вам в Белом доме?

– Кровать очень удобная, мистер Кинг, – парирует он тем же жизнерадостным голосом. – Звоню вам, чтобы выразить благодарность за помощь и вклад в предвыборную кампанию.

– Считаю, деньги потрачены не напрасно. Похоже, мы разделяем мнение относительно политики и перемен.

– А это вторая причина моего звонка. Хотел заверить те-

бя, что буду без усталости работать на благо страны.

– Я в вас не сомневаюсь, сэр.

Он перестает ходить вокруг да около.

– Сколько лет минуло с колледжа, да, Кинг?

– Очень много. Удивлен, что вы меня помните. Вы проучились во Франции всего один семестр.

Это ложь. Не срок, который он проучился в колледже, а обсуждение нашего знакомства. Разговоры всегда прослушиваются, и нам лучше не рисковать. С той поры, как двадцать лет назад, слегка подшофе и жаждущие наесться до отвала, зашли позавтракать в то кафе, мы стали близки благодаря зародившимся между нами доверию и уважению.

Впервые я раскрыл постороннему планы на Романа, а Престон поделился стремлениями. Мы вместе продумали наши цели, вместе мы их и осуществили.

Если бы я только знал, что из нас выйдут отличные союзники. Выслушав его желания, понял, что Престон был идеальным кандидатом в подсадные президенты. Сирота, но из хорошей семьи, безумно богатый, с приятной внешностью, но умеющий контролировать изменчивые порывы и относиться к девушкам с должным уважением, даже вдали от посторонних глаз. Престон стал одним из первых моих рекрутов, и с моей стороны это было чертовски верным решением. Финансовое вложение в его предвыборную кампанию было смехотворным, но замкнуло круг.

Татуировка Престона все там же, хоть и не видна, а он,

один из основоположников Братства, теперь занимал самое влиятельное место в мире.

– Молли просила передать приглашение на ужин.

– В скором времени я приму ваше предложение. – С самого начала мы условились, что наш союз должен оставаться сугубо деловым, пока мы не закончим работу или хотя бы не случится непредвиденная ситуация. Мой вклад в его кампанию и несколько месяцев учебы в одной школе – единственное, что нас связывало на первый взгляд. Престон – один из немногих порядочных людей во власти, и в ближайшие семь лет еще многое нужно довести до конца, потому наши взаимоотношения не должны бросать тень на его репутацию, если меня когда-нибудь привлекут к ответственности за совершенные преступления.

Престону Монро не нужно микроуправление, а Тайлер готовился к этому посту с тех пор, как стал морпехом.

– Как жизнь, Тобиас?

– Сэр, в последнее время меня заинтересовала Вирджиния.

– О. Рад слышать, что ты расположился по соседству. С кем-то, кого я знаю?

– Рано или поздно вы с ней познакомитесь.

– Я заинтригован. Полагаю, поэтому уйдешь из политики?

– Временно, – заверяю я его. – Я не играю в гольф.

– Что ж, удачи. Буду на связи.

– Я признателен за ваш звонок, мистер Президент.

– Жду встречи с тобой в Белом доме.

– Вы достойны этого поста, – искренне говорю я.

– Без тебя, мужик, у меня бы ничего не вышло.

Закончив разговор, выглядываю в окно из спальни Сесилии и отправляю сообщение.

«Ожидаемая дата прибытия?»

Расселл: «Птенец только что припарковал «Ауди» на подъездной дорожке, ключи в козырьке. Я отправил недавно вылупившихся Воронов. Нужно подкрепление?»

«Пришли еще четырех. Район не внушает доверия. И смени прежних. Они устали, им скучно – теперь они бесполезны. Хочу круглосуточное наблюдение. Принял?»

Расселл: «Принял. Прибудут завтра. Как Си?»

«Хорошо».

Расселл: «Какой грубый ответ. А она не так легко прощает, да? 😊»

Я не отвечаю, и телефон снова вибрирует.

Расселл: «Она задала тебе жару? Боже, обожаю эту девчонку. Береги ее».

«Займись чертовой работой».

Расселл: «Разве ты не ушел в отставку?»

«Я в отпуске. Большая разница».

Расселл: «Понял, дружище. Уверен, забот у тебя хватает.»

Глава 10

Сесилия

Подъехав, вижу припаркованную у дома «Ауди», вид которой для меня как гром среди ясного неба. Я оставила ее в прошлом. Похоже, мои попытки убежать от жизни, которую вела год назад, безуспешны.

Сегодня в кафе я утомила заботой и заговорила до смерти каждого посетителя, задавшись целью вернуться к прежней рутине. Когда клиентов стало меньше, выдраила каждый уголок в ресторане, чтобы отвертеться от Мариссы и ее расспросов. Сегодня утром я почти сбежала, оставив Тобиаса без машины, на произвол судьбы, чтобы попытаться разложить мысли по полочкам.

Выхожу из «Камаро» и, обозрев «Ауди», смотрю на дом, в котором стоит мертвенная тишина, задаваясь вопросом, чем Тобиас занимается.

– Ты как будто не рада ее видеть. – Душа уходит в пятки, и я поворачиваюсь, увидев стоящего в метре от меня Тобиаса. Черная футболка облегает сильный торс, по вискам стекают капли пота.

– А может, ты не хотела заходить в дом, думая, что я там. –

Он наклоняет голову, смотря на меня со скепсисом. Его привлекательная внешность так и манит. – Так в чем дело, Сесилия? – От слышимого в его голосе огорчения зарубцевавшиеся раны на сердце снова готовы открыться. – Перестань поедать меня глазами и скажи, в чем дело? Ты не рада машине или перспективе встретиться со мной в этом доме?

– Что?

– Ты меня слышала. – Рванув вперед, Тобиас останавливается передо мной, вторгаясь в мое личное пространство. Я никогда не умела ему противостоять, а уж делать вид, что меня не влечет к нему, и вовсе смешно. Он и сам это прекрасно понимает.

– Я дважды за сегодняшний день выходил на пробежку. Ты не единственная, кто испытывает эти чувства. – Тобиас смотрит на машину. – Мы можем от нее избавиться, но это я отобрал у тебя эту машину, так что подумал, что мне же и стоит ее вернуть.

– Я просто удивилась – и только. Не рассчитывала снова ее увидеть.

– Верно, – печально бурчит он.

Тобиас обходит меня, и я хватаю его за руку. Насторожившись, он останавливается и смотрит на меня янтарными глазами.

– Я люблю эту машину, – честно признаюсь, но мы оба понимаем, что я говорю вовсе не о машине. – Просто я... – Начинаю злиться, и Тобиас с легкостью замечает охватившее

меня возмущение.

– Готова поговорить? – Он поворачивается и придвигается, вынуждая меня сделать шаг назад. – Поругаться? – Еще один шаг. По Тобиасу вообще не видно, что он устал, хотя только что пробежал несколько километров. Он наклоняется ко мне, как истинный хищник, и все мои органы чувств захватывает едва уловимый пряно-цитрусовый аромат. – Потрахаться?

Я молчу, и он понуро опускает плечи. Целует меня в висок, а потом, наклонившись, шепчет:

– Значит, дам тебе время. Это все, что у нас есть, Сесилия. – Напомнив, он уходит в дом.

Глава 11

Сесилия

– Выглядит клево, – стоя у меня за спиной, делится мнением Марисса, когда прикрепляю искусственную паутину скотчем в углу окна. Отхожу назад и любуюсь результатом, а потом, довольная ходом работы, оглядываю кафе. Покончив с утренней суматохой, нам с Мариссой удалось преобразить кафе с помощью украшений к Хэллоуину. Несколько преждевременно, ведь до праздника еще несколько недель, но мне нужно было отвлечься.

– Вроде симпатично, – соглашаюсь я.

Я и представить не могла, что стану владелицей ресторана, но, признаюсь, управлять подобным заведением приятно. Я бы и сама стала завсегдатаем такого местечка. В читательском уголке вокруг уютно горящего камина расположились люди. Погода сейчас стоит неизменно прохладная, а листья на древних дубах на другом конце парковки стремительно меняют цвет на тыквенно-оранжевый и красно-желтый, предвещающая скорый приход осени. Сезона, к которому я раньше испытывала отвращение, потому как не хотела, чтобы заканчивалось судьбоносное лето.

– Итак, – резко говорит Марисса. – Я сделаю нам по латте, а ты расскажешь, какого черта тут происходит. Я и так долго терпела.

Стоит ей произнести эти слова, как на парковку въезжает школьный автобус, и к кафе бежит толпа детишек.

– Вот черт, – замечает Марисса. – Ты знала, что они придут?

– Понятия не имела, – отвечаю, захваченная врасплох, как и Тобиас, который тоже заезжает на парковку и переводит внимание с меня на целый автобус детей, гурьбой идущих к нам. Когда Тобиас подходит к двери, рукава у него уже закатаны. Он подмигивает Мариссе, а потом наклоняется ко мне и быстро целует в губы.

– Просто скажи, чем помочь.

Хаос. Самый настоящий хаос – вот как я бы описала следующий час. За каждым столиком сидят школьники, а за ними присматривают несколько учителей, у которых, кажется, вот-вот лопнет терпение. После утренней суеты я отпустила третью официантку, шум стоит оглушительный, но мне, Мариссе и неожиданному помощнику – Тобиасу вполне неплохо удается быстро управляться с заказами. Тобиас носится по залу с корзиной, собирает тарелки так, словно работа выше всего, убирает, если что-то проливают, и принимает заказы у пары запоздавших клиентов, которые заходят отобедать.

– Треклятая рвань выставляет нас в плохом свете! – руга-

ется Билли, смотря что-то по телевизору, и я подскакиваю, начиная пробивать чеки, чтобы школьники, которых прибыл целый автобус, побыстрее покинули кафе.

– Билли, – выговариваю ему я, – здесь дети. Следи, пожалуйста, за языком.

– Извини. – Он смотрит на оскорбленную женщину в ближайшей кабинке. – Прошу прощения, мэм.

В ответ на его извинение она презрительно фыркает, и Билли незамедлительно обижается:

– Леди, проживете лет семьдесят и можете говорить все, что, черт возьми, захотите.

С оскорбленной миной она бросает взгляд на меня, давая понять, что поведение Билли на моей совести.

– Я хочу получить счет.

Женщина подхватывает сумочку и начинает выводить своего мальчика из кабинки.

– Мэм, мне так жаль, – встречаю в разговор, протягивая ей чек. – Вы почти ничего не съели. Я бы с радостью компенсировала вам неудобства ужином.

– Мы не вернемся, – огрызается женщина, с намеком протягивая чек обратно.

У ее столика появляется Тобиас, и я тут же замечаю, как меняется ее поза, когда она окидывает его взглядом.

– Хотите, я упакую ваш обед?

Она бесстыдно раздевает его глазами и отвечает:

– Это... мило с вашей стороны. Спасибо?..

– Тобиас. Avec plaisir, salope³⁹.

Я давлюсь смехом.

– О, как красиво звучит. Это на французском?

– Да. Извините, иногда забываю английский, – медленно произносит он, прикидываясь невинным иностранцем. Пару секунд люблюсь им, стоящим посреди кафе в простой одежде. Когда Трэвис звонит, Тобиас, вздернув подбородок и понимающе улыбнувшись, кивает за мое плечо.

– Заказ готов, босс.

Прищурившись, смотрю на Тобиаса.

– Я в курсе, Француз. Когда закончишь тут, нужно будет убрать с третьего и шестого столиков.

– Как пожелаешь, – уступает он.

Отворачиваюсь, чтобы принять очередной заказ, но оста-навливаюсь, услышав его пылкое:

– О, Сесилия?

Оглядываюсь и вижу в его глазах теплящийся огонь посреди надоедливого смеха и шума в кафе.

– Да?

– Je n'aime pas me réveiller sans toi. Je préférerais de loin me réveiller en toi⁴⁰.

– Вы опять перешли на французский, – ворчит женщина. – Знаете, очень грубо говорить на языке, который осталь-

³⁹ С удовольствием, стерва (фр.)

⁴⁰ Мне не нравится просыпаться без тебя. Я бы предпочел просыпаться в твоих объятиях (фр.)

ные не понимают.

Тобиас продолжает смотреть на меня, не обращая внимания на эту важничающую стерву.

– Tu as l'air un peu stressée. Je peux t'aider à te détendre. Avec ma langue, et ta chatte⁴¹.

Открыв рот, пытаюсь скрыть потрясение.

– As-tu perdu la tête?⁴²

– Pas ce que tu avais en tête? Après tu décideras où ira ma langue⁴³.

– Обсудим это до...

– Так вы упакуете нашу еду? – вмешивается женщина, разозлившись, что я отвлекла на себя все внимание.

Ее мальчик, которому на вид лет семь-восемь, выкарабкивается из кабинки и с интересом наблюдает за нашим разговором. Тобиас наклоняется и что-то ему шепчет, а мальчик хихикает и с идеальной точностью повторяет за ним.

– Le pleck, le spit.

Запрокидываю голову и смеюсь. Неужели я столь давно так же поддразнивала Тобиаса у бассейна в доме отца? Тогда мы с Тобиасом были не в ладах, противились нашему влечению, отрицали, что нас тянет друг к другу и чувство-

⁴¹ Ты кажешься несколько напряженной. Я могу помочь тебе расслабиться. Языком у тебя между ног (*фр.*)

⁴² Из ума выжил? (*фр.*)

⁴³ А ты не это имела в виду? Тогда сама решишь, куда отправится мой язык (*фр.*)

вали между нами накал. Когда мы были порознь, казалось, что прошла целая вечность с того момента, но теперь Тобиас стоит так близко, и все представляется совсем иначе.

– Tu m’as manqué, mon trésor⁴⁴.

От искренности в его голосе и выразительности взгляда сердце в груди бешено стучит, а перед глазами мелькают картинки из прошлого: как Тобиас подъезжает к дому отца, и я оказываюсь в его объятиях, жарко целую. Дни и недели, когда мы крали мгновения, время, когда выпустили свои желания на волю и не таясь любили друг друга, не признаваясь в чувствах вслух. За спиной кто-то разбивает тарелку, и чары между нами развеиваются.

– Вы только что научили моего сына какому-то французскому ругательству?

Терпение Тобиаса на исходе, и он молча берет с ее стола полную тарелку.

– Я этим займусь.

Когда он уходит, женщина смотрит на меня с подозрением.

– Похоже, английский ему дается очень неплохо.

– Как забавно устроен наш мозг, – соглашаюсь и неторопливо иду за Тобиасом, уставившись на его зад и заметив лейбл на джинсах.

– «Wrangler»? – смеясь, спрашиваю я. – Собираешься в ближайшее время оседлать быка?

⁴⁴ Я скучал по тебе, мое сокровище (фр.)

– Моего размера были только эти, – по пути на кухню объясняет он, защищаясь. – Выбор здесь скуден.

– Так нельзя делать, – меняю я тему.

– А зачем нам пускать коту под хвост весь французский, что ты выучила?

– Не смешно.

– Не соглашусь, – холодно заявляет он, скидывая содержимое тарелки женщины в ланч-бокс.

– Знаешь, ты не обязан помогать.

Тобиас наклоняет голову.

– Тебе прекрасно известно, что я злюсь не из-за того, что помогаю. Я сам этого хотел.

– Ну, тогда не нужно хитрить, чтобы поговорить со мной.

– Уверена? Потому что с тех пор, как я приехал, мы ни разу не поговорили всерьез.

– И сейчас тоже неподходящее время.

– А когда оно будет подходящим?

Мое молчание только сильнее злит Тобиаса, и он, схватив пластиковый пакет, запикивает в него ланч-бокс.

– Тобиас, я еще привыкаю и очень благодарна за помощь, но вынуждена напомнить: ты миллионер, а не помощник официанта.

– И ты тоже не официантка, а миллионерша. В чем, черт возьми, разница? Я буду тем, кого ты захочешь во мне видеть. – Тобиас внимательно смотрит на меня, а потом закрывает глаза и кладет руки на металлический стол, похоже, что-

бы набраться терпения. Когда он наконец заговаривает, его тихий голос полон разочарования: – Когда закончу в зале, больше не стану тебе мешать. – Он подхватывает пакет и, не говоря больше ни слова, выходит за дверь.

* * *

– Презерватив или нож? – легонько подталкивает меня примостившаяся рядом Марисса, пока я наблюдаю за Тобиасом, который рисует с маленькой девочкой в читательском уголке и ведет разговор с ее бабушкой. После того как школьников увезли, у нас снова начался ажиотаж, что было редкостью. Несмотря на тот разговор, Тобиас остался нам помочь, молча убирая со столиков и наматывая круги вокруг нас с Мариссой.

– Что?

– Презерватив или нож. Дилемма насчет бывших. Когда возвращается бывший, ты не знаешь, трахнуть его или убить, я права?

– В яблочко, – фыркаю от смеха, убирая со стойки тарелки. – Если бы ты только знала. – Но Марисса не знает и совершенно точно никогда не узнает. Вот в чем суть проблемы отношений с мужчиной вроде Тобиаса.

Прошлую ночь я, не находя себе места, провела в саду, где сажала весенние луковицы, пока Тобиас, сидя на садовом стуле, что-то печатал на ноутбуке. Время от времени лови-

ла на себе его взгляд и отвечала ему тем же. Приняв душ и переодевшись ко сну, обнаружила, что Тобиас ждет меня в спальне. Когда выключила лампу, он без слов притянул меня к груди. Я знала, что Тобиас пришел помочь противостоять снам, которые подкидывало воображение. С тех пор, как он приехал, я каждую ночь видела сны.

– Никогда не видела такого красавца в реальной жизни. Такое чувство, что он вообще не человек.

– Уж поверь, из плоти и крови. – Я одна из немногих, кто знает, где скрываются его шрамы.

– Так ты рада, что он вернулся?

– Хотела бы, но у нас все очень сложно.

– Боишься, что снова будет больно?

Нет, Тобиас не причиняет боль. Боль он убивает, придает ей сходство с поездкой на карусели, а я сошла с нее восемь месяцев назад.

Пополнив подставку салфетками, перевожу взгляд на Тобиаса и вижу, что он по-прежнему болтает с пожилой женщиной.

– Почти год назад я выдвинула ему ультиматум, и только теперь он изменил свое мнение.

– С ними всегда так, да? – Открыв кассу, Марисса меняет часть чаевых на купюру покрупнее и кладет деньги в карман фартука. Одно простое движение возвращает меня в прошлое. Трипл-Фоллс, улыбающаяся Сельма и ее тортилья. Целая жизнь минула с того дня.

– Ты о чем?

– Ты наконец-то собираешься с силами, чтобы забыть бывшего, жить без него, – и бам! – он снова заявляется на порог твоего дома в ожидании, что ты испытываешь те же чувства. Моя мама всегда говорила: не рассчитывай, что мужчина поймет свои ошибки по твоей эмоциональной шкале, потому что им всегда нужно больше времени, чтобы прийти в себя и разобраться с чувствами. Мужчины – существа эмоционально незрелые.

– Слов правдивее не найти. – Моему незрелому Французу понадобилось непростительно много лет, чтобы прийти в себя. Вот с чем мне сложнее всего примириться. Мало того, не уверена, что мое сердце выдержит еще одно вращение на его карусели.

– Ну, лучше поздно, чем никогда, правда? Честное слово, никогда не видела таких глаз. Не знаю, как ты с этим справляешься.

– Перестань пялиться на него, или он поймет, что мы его обсуждаем.

И секунды не проходит, как Тобиас смотрит в нашу сторону и ухмыляется.

Ублюдок.

Мы резво возвращаемся к делам, отчего наверняка выглядим еще нелепее.

– Так ты прикидываешься мышкой рядом с этим львом? Не обижайся, но, судя по всему, он сожрет тебя заживо.

Бросаю на подругу сердитый взгляд.

– Извини, но это правда. Я чувствую между вами напряжение: ты похожа на гейзер, который вот-вот взорвется, а он... эх, если бы на меня так смотрел мужчина, то я бы, наверное, не раздумывая скинула с себя одежду.

Она подталкивает меня локтем, и я пихаю ее в ответ. С силой.

– О, задира. Да, ты точно от него бегаешь. Не похоже, что тебя недавно трахали. Ты выглядишь... неудовлетворенной. – Марисса хихикает, а я свирепо смотрю на нее, после чего замахиваюсь и ударяю полотенцем.

– Ой!

– Скажи, почему я взяла тебя на работу?

– Из-за моей яркой честной индивидуальности?

– Ага, ладно, раз уж мы заговорили о честности: когда ты собираешься положить конец страданиям нашего повара?

Она оглядывается на Трэвиса и морщит нос.

– На это я не подпишусь. В школе встречалась с его братом.

Когда я вздрагиваю, она неверно меня понимает.

– Вот именно. Разве можно встречаться с братом мужчины и...

– Марисса, заказ готов, – зовет Трэвис, и я рада его вмешательству.

Смотрю на Тобиаса, и он понимает, о чем я думаю. Когда ухожу в свой кабинет, он идет следом прежде, чем успеваю

захлопнуть дверь.

– Что случилось?

– Ничего. Слушай, наша... драма отвлекает сотрудников.

– Наша драма отвлекает *тебя*, – поправляет Тобиас, прижимает меня к двери, и мне приходится посмотреть ему в глаза.

– Тобиас, ты мешаешь работать. – И спать. И думать.

Он кивает.

– Это мы уже поняли. Я как раз собирался уходить. Просто хотел тебя предупредить.

– Извини. Я просто... не знаю, что со мной.

– Ты чувствуешь себя пойманной в западню. Нам во многом нужно разобраться, но до тех пор я рядом, если понадобится. И... – Тобиас наклоняется, заключает меня в объятия и ласково водит руками по крыльям на моей спине. – Нас столько всего ждет впереди. – Он касается губами моих губ. – Увидимся дома.

Дома.

– Ладно. И еще раз спасибо за то, что помог сегодня.

Ответом становится быстрый поцелуй в губы. Отпустив меня, Тобиас засовывает руки в карманы джинсов и, вытащив пачку денег, кладет ее мне в руку.

– Для Мариссы.

Днем я возвращаюсь домой и вижу записку от Тобиаса – он ушел на пробежку. Приняв горячий душ, встаю перед зеркалом и вытираю конденсат. Резко подскакиваю на месте, когда за спиной появляется Тобиас. Его взгляд скользит по моему голому телу, а потом он смотрит мне в глаза. Волосы у него влажные и растрепанные, футболка мокрая. Тобиас наклоняется и целует в плечо, а потом обхватывает рукой за талию и притягивает к себе. Положив подбородок мне на плечо, он водит подушечками пальцев по моему животу.

– Праздные беседы такая глупость, согласна? Тем более когда должен состояться важный разговор.

Он откидывает мои мокрые волосы на другое плечо и прижимается губами к обнаженной шее, слизав языком капельки воды. От этого зрелища, такого знакомого и интимного, что подкашиваются коленки, я возвращаюсь в прошлое.

Вновь проживаю первый раз, когда он так сделал, так меня поцеловал. Это была первая ночь, когда между нами случилась близость. Прикусываю губу, вспоминая, как смотрела на его член, когда он впервые в меня вошел, силу, размер, яркость этого мгновения, и признание в его глазах.

Но это было не просто ощущение. Оно было связано с чувствами – чувствами, которые мы оба не хотели признавать.

– Но я знаю, почему мы не говорим, Сесилия. Я могу по-

дождать, – шепчет Тобиас, смотря мне в глаза через отражение. – Потому что не собираюсь слоняться без дела и болтать о чертовой погоде или кафе – бизнесе, которым ты можешь управлять с закрытыми глазами. И о том, что ты сажаешь в своем саду, потому что мне насрать на него – лишь бы это делало тебя счастливой. Я могу подождать. – Он перестает меня целовать. – Но я не позволю тебе отвергать мысль, что я здесь надолго. – Мне в спину упирается возбужденный член. Тобиас снова наклоняется, прикусывает шею, а потом ласкает место укуса языком и губами. Изнывая от желания, стараюсь сдержаться, чтобы не потереть бедра друг о друга. – Я буду говорить с тобой о чем захочешь. Но я также слышу все, о чем ты не говоришь вслух. Всегда буду тебя слышать. – Тобиас внимательно смотрит на меня, подмечая, как я реагирую на его слова и действия. Мое тело распускается, как цветок, под его прикосновениями, а потом Тобиас закрывает глаза и с его губ срывается ругательство. У него страдальческое выражение лица, словно он только что увидел то, с чем не в силах сладить. Тобиас резко выпускает меня из объятий и хлопает за собой дверью.

Сердце так и рвется к нему, но разум не дает даже двинуться с места. Впервые с его приезда у меня возникает мысль...

Что, если я не смогу его простить?

Глава 12

Тобиас

Двадцать лет

Я прохожу сквозь облака сигаретного дыма, а из клуба справа бьют тяжелые басы. Миную клубы дыма, обратив внимание, как какой-то парень трахает языком брюнетку, прижав ее к стене, и двигает рукой под ее юбкой. Меня пожирает зависть, когда девушка запрокидывает голову и кусает своего пленителя за плечо. Открыв глаза и уставившись на меня, она приоткрывает губы. Ее дерзкий взгляд – истинное искушение.

Подойди и возьми меня.

Оставив без внимания откровенную провокацию, прохожу мимо клуба, раздраженный тем, что не могу себе этого позволить. Не помню, когда в последний раз меня удовлетворяла девушка или я делал что-нибудь относительно нормальное. Ничего ведь не случится, если проведу одну субботнюю ночь в клубе? Вознагражу себя неспешным, хорошим сексом, чтобы снять напряжение?

И в этот момент я узнаю сокурсника по одному из семинаров. Упираюсь взглядом в землю, чтобы он меня не остановил – да он и не станет этого делать. Поступив в бизнес-школу, я первым же делом ясно дал понять поведением, чтобы никто и не помышлял ко мне приближаться. Если не брать в расчет нового соседа-разгильдяя Клода, с которым я был вынужден съехаться из-за стесненных финансовых обстоятельств, – в новой школе я ни с кем не общался. Молчаливостью и невербальными сигналами я убедил Клода меня остерегаться. Он много учится и часто уезжает на выходные, оставляя меня одного вкалывать с утра до вечера.

Впереди несколько лет учебы, и я не планировал менять взгляды. Никому не позволю со мной сблизиться. Но иногда мне, как и многим студентам, хотелось, чтобы единственными проблемами были экзамены и решения, на какую вечеринку пойти или с какой девушкой переспать. Со времен учебы в частной школе я поставил задачу оставаться инкогнито, и до сих пор лишь паре студенток хватило смелости бросить мне вызов. Наградой им стало жесткое предупреждение, поскольку я намеревался остаться еще одним безликим студентом, имени которого никто и не вспомнит. Но когда столько лет живешь за границей, даже в таком большом городе, как Париж, мир становится тесноват.

Выудив новый мобильник, который прислал Доминик, слушаю гудки, обходя очередную толпу, выстроившуюся на тротуаре. Брат отвечает после второго гудка.

– Ты должен сидеть в самолете.

– У меня экзамены, – вру я.

– Лжешь, – возражает Доминик. – И как, по-твоему, я тебе помогу, если ты не рассказываешь, что происходит?

Еще не так давно почти шестилетняя разница в возрасте между нами казалась целой вечностью. Хотя после последнего приезда в Трипл-Фоллс стало ясно, что я сильно недооценивал парней, особенно Дома, потому как утаить от него что-то почти невозможно. Шесть недель назад при свете костра я понял, как хорошо он подготовлен.

– Как дела во Франции? – спрашивает Шон, сидя на походном стуле.

– Учусь, – резко отвечаю я.

– Это не совсем так, да, брат? – высказывается Доминик, переводя взгляд с Тайлера на Шона. – Он уехал, чтобы найти подмогу. На собраниях все перепугались, когда убили родителей, а теперь все ноют. – Он откидывается на спинку стула. – Родители были революционерами, а Тобиас хочет завербовать людей, которые, черт возьми, знают свое дело. – Дом переводит взгляд на меня. – Я прав, брат?

Дом знает гораздо больше, чем мне бы хотелось. Обескураживает, что он так долго прикидывался несведущим. Он хорош в притворстве, слишком хорош.

– Почему ты все это время делал вид, что ничего не знаешь?

Его освещаемое огнем лицо остается бесстрастным.

– Считаю, что полезно быть в курсе, не посвящая в это остальных.

Гениальное жульничество. Манипуляция, которой он одурачил даже меня, прикидываясь незаинтересованным, а иногда и невежественным.

– Не понимаю, – говорит Тайлер, переводя взгляд с меня на брата.

Шон тоже смотрит на брата, вмешиваясь:

– По-моему, если не вдаваться в подробности, Доминик перестал изображать из себя идиота.

Внимательно разглядываю брата, а потом Шона.

– Ничего не получится, если мы будем хранить секреты.

– Кто бы говорил, – едко подмечает Дом.

Пока я был за границей, Дом обо всем догадался. Моя скрытность разожгла в нем любопытство, и сейчас он, уведомив, что раскусил меня, дал понять, что большие не спустит подобное с рук.

– Пока нечего рассказывать. И в одночасье все не получится.

– Да дело уже не только в разговорах, – решительно заявляет Доминик. – И ты это знаешь. Мы не можем тебе помочь, если ты не рассказываешь, что там происходит.

– И что, по-твоему, вы можете сделать?

Ответом служит молчание.

– Вот именно. Так что не лезьте в это дело, пока не при-

дет время.

– Ты живешь в чертовой Франции. Один. Думаешь, это разумно?

– А чего ты от меня хочешь?

Дом не мешкает с ответом:

– Возьми меня с собой.

– Черта с два. Ты знаешь, почему я там живу, так что спорить нет смысла. Нам нужно сосредоточить силы на важном аспекте, а сейчас это деньги.

Дом отводит взгляд в сторону, снова смотря на огонь.

– Есть у меня одна идея, но тебе она не понравится.

Мне она не понравилась и не нравится по сей день, потому что я не желал ставить Доминика под удар, пока не придет его время. Хочу, чтобы он как можно дальше держался от того, что пытаюсь осуществить здесь, во Франции.

– Я сейчас занят тем, что не хочу обсуждать. – Крепко стиснув рюкзак, наклоняю голову, прижав плечом телефон к уху, пока за открытой дверью рядом грохочет музыка. – Давай потом поругаемся на эту тему? Мне нужно по делам. Просто хотел сообщить, что все в порядке.

– Да и пофиг. – Слышу в его голосе уныние и понимаю, что дело не только в том, что я пропустил рейс. До сих пор я сдерживал обещание прилетать домой каждые шесть недель, но дела сейчас начали двигаться в нужном направлении, и потому я просто не мог тратить время – в прямом смысле

этого слова. Перелеты с каждым разом обходятся все дороже.

– Что случилось?

– Забей. Значит, как-нибудь увидимся.

– Дом, у меня терпения не хватит ненавязчиво вытягивать из тебя информацию. Выкладывай.

– Мы на мели.

Остановившись на тротуаре, провожу рукой по лицу. Во время последней поездки в Трипл-Фоллс я научил их «одалживать» у тех, кто скопил богатство, обманывая и отбирая деньги у менее удачливых людей. Этот кодекс я внедрил сразу же после схватки с тем размахивающим ножом вором. Парни придерживались его, но Дом, будучи Домом, придумал пару идей, как приумножить наш улов.

– Пора внести некоторые изменения.

Под изменениями он имел в виду то, что пора возложить на себя ответственность за то, что нельзя будет изменить, если его поймают. Мой урок по мелкому воровству обернулся тем, что младший брат натаскивает меня, как более эффективным способом быстро словить куш. Это одновременно поразительно и пугающе, ведь он так много знает в свои пятнадцать лет.

– Я что-нибудь придумаю, – предлагаю я.

– На это нет времени. – Его тон серьезен, но Дом еще юн и изо дня в день становится заносчивее, особенно с его врожденными навыками в области технологий.

– Если ты облажаешься...

– Верь в меня хоть немного, брат. – Его взбудораженный голос сильно настораживает. Но меня успокаивает, что Доминик ждал, когда я дам добро. Я должен ему доверять. Должен верить, что они смогут нести этот крест, пока я не исполню во Франции задуманное.

– Валяй. И не думай, черт возьми, что я не лишу тебя игрушки, если сваляешь дурака.

– Можно подумать, тебе это по силам. Я тебя перерос.

– Может, и так, – с гордостью говорю я, – но давай не будем забывать правила.

– Свяжусь с тобой, когда закончу.

– Уж будь добр и не лезь на рожон.

– Верь мне, брат.

– Верю.

Мы завершаем разговор, и я сворачиваю за угол, обходя парня, стоящего в начале переулка.

– Auriez-vous une cigarette⁴⁵?

– Non⁴⁶, – отвечаю, даже не глянув в его сторону.

– Уверен?

– Что, простите?

– Американец?

– Non.

– Но ведь это ложь, не так ли, Иезекиль?

⁴⁵ Не найдется сигаретки? (фр.)

⁴⁶ Нет (фр.)

Срываюсь с места, но уже слишком поздно. Через несколько секунд оказываюсь в фургоне с мешком на голове. Ни слова не говорю, когда со всех сторон меня засыпают шквалом вопросов на английском и местами на французском, а из рук вырывают рюкзак и расстегивают молнию, но знаю, что там они ничего не найдут. Я избавился от всего, что указывало бы на то, что я не только студент колледжа, но эти парни не тупые. Я сунул нос куда не следовало, и сегодня либо поплачусь за это жизнью, либо получу предостережение, которое мне не понравится.

– Сидел бы ты в Америке, – бурчит один из мужчин, а я продолжаю счет, отстукивая пальцем по бедру.

– Как американский сосунок? – выпаливает тот, что сидит слева. За свое молчание получаю разбитую губу, но продолжаю отсчитывать, стараясь на них не отвлекаться.

Как я понял, вместе с водителем их трое. Не обращая внимания на шум, постукиваю пальцами по кожаному сиденью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.